

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

МАСТЕР СНОВ

Елена Александровна Бычкова
Наталья Владимировна Турчанинова
Алексей Юрьевич Пехов
Мастер снов
Серия «Мастер снов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8739141

*Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В. Мастер снов:
Фантастический роман: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва;
2014*

ISBN 978-5-9922-1926-5

Аннотация

Мир ближайшего будущего, на первый взгляд стабильный и гармоничный, где давно обузданы опасные вирусы, геновая инженерия продлевает жизнь и молодость, а биотехнологии способны создать даже искусственные тела. Город, объединивший несколько стран в единое государство – который всегда был гарантом стабильности, надежности и защиты для своих граждан.

Мир Полиса никогда не видел темных веков и ужасов инквизиции. Но мало кто из его жителей знает, что скрывается за этой стабильностью и как рискуют собственными жизнями мастера снов, чтобы сберечь его устойчивость и неизменность, сохранить гармоничное развитие.

Благодаря их работе никто давно не рассчитывает столкнуться с воплощенным кошмаром, не задумывается о существовании черных сновидящих, которых в древности именовали убийцами и разрушителями и боялись больше самой смерти. И тем более никто не верит, что они могут обрести реальность и выйти на улицы.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	96
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Мастер снов

Друзьям...

© Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья
Турчанинова

* * *

Сон – это то, в чем мы нуждаемся постоянно. Без еды человек может прожить месяц, без воды неделю, если полностью лишить его сна, он сходит с ума на пятые сутки и умирает.

В мире сновидений не действуют законы морали, человеческого общества и государства. Сон не ограничен в пространстве и времени, минута здесь с легкостью растягивается на год, а месяц сжимается до секунды. Он беспределен и вечен, захватывает целые материки, вселенные и тысячелетия. Способен рассыпаться от прикосновения крыла бабочки, и его не в силах разрушить самый громкий крик.

Во сне мы беспомощны и всеильны. В нем таятся чудовища и прекраснейшие существа. Это время отдыха, гениальных открытий, исполнения мечты, невообразимых кошмаров, наслаждения, иллюзий, исцеления, покоя, смерти.

Его власти не в силах сопротивляться ни люди, ни животные, ни боги...

Глава 1

Возвращение

Единственными, кто узнал меня, были деревья. Березы, растущие вдоль дороги, едва слышно перешептывались, и я чувствовал на себе их невидимые, но доброжелательные взгляды. Их память всегда была надежнее, чем человеческая. Впрочем, я слишком давно не появлялся в этом городе.

Скоростной экспресс «Нот» привез меня на крошечную станцию, отделенную от мегаполиса парой сотен километров. Белый поезд, похожий на шуку, такой же стремительный и хищный, названный именем южного ветра, обжигающего и быстрого, унесся прочь. Платформа задрожала, воздушная волна ударила в лицо, вереница обтекаемых вагонов исчезла.

Это была ничем не примечательная крытая остановка. Мягко светящееся табло с расписанием поездов, закрытый киоск с напитками и газетами, автомат, круглосуточно подающий шоколад и фруктовые батончики.

Из пассажиров на платформе стояли только старуха с корзинкой, накрытой тканью, и два подростка. Они уставились на меня с одинаковым любопытством и провожали взглядами до тех пор, пока я не ушел со станции, чтобы спуститься к дороге, ведущей в прохладную тень аллеи.

Зеленый купол над головой мягко шелестел. Сквозь длин-

ные переплетения ветвей, колышущихся от легкого ветра, я видел склон, плавно изгибающийся к реке, крутой обрыв на противоположном берегу и одноэтажные деревянные дома, стоящие на нем. Один из них почему-то особенно бросался в глаза, хотя практически ничем не отличался от остальных. Те же пять окон по фасаду, над ними шатровая крыша, металлическая фигурка на трубе. Когда-то давно я полагал, что в нем живут привидения. А потом, уже повзрослев, стал считать одним из ориентиров своих не совсем обычных путешествий.

По плотно утоптанной дорожке передо мной резво бежала трясогузка, покачивая тонким хвостиком и оглядываясь на меня. Больше никого из жителей городка мне не встретилось. На этой стороне реки и прежде было немногочленно, а сейчас, похоже, стало вообще тихо.

Аллея, на первый взгляд кажущаяся бесконечной, закончилась, как всегда, неожиданно. По узкому мостику я перешел через ручей, пересыхающий летом, и направился вдоль берега. Здесь пахло теплой, нагретой землей, дикой гвоздикой и подсыхающей травой. Вполне летние запахи, но в порывах ветра, долетающего от ровной глади воды, уже чувствовалось дыхание осени.

В зеленой кроне одинокой березы, растущей у края тропы, виднелись редкие желтые плети. Они всегда напоминали мне пряди ранней седины в волосах статной белокожей красавицы.

Я шел не торопясь, глядя по сторонам и замечая изменения в городе. Возле каждого дома установили генераторы, отсвечивающие металлическими полированными боками. Провода от них блестящими длинными нитями тянулись к зданиям. Дорога с новейшим покрытием из термоэластопластов стелилась справа от меня гладкой серой лентой, повторяющей изгибы пути, прежде пыльного и неровного...

Дом, который теперь стал моим, стоял в глубине двора, заросшего красной снытью. И в этом году она разрослась особенно пышно. Узорчатые листья на длинных черенках чуть покачивались от легкого ветерка. Зонтики, собранные из мелких цветов, по яркости красок могли соперничать с оранжерейными розами. Казалось, что над темной зеленью висит густое алое облако. Но эти прекрасные душистые цветы не привлекали ни пчел, ни бабочек. Для насекомых их не существовало, ведь они принадлежали другому миру.

Тропинка, прежде ведущая к крыльцу, заросла травой. Я прошел по ней, перешагнув две ступени, вытащил ключ из кармана, открыл дверь и ступил внутрь. Меня встретила оглушительная тишина, запах старого дерева, давно не топленных печей, слежавшейся пыли и совсем чуть-чуть – сырости. Здесь, в отличие от остального мира, ничего не менялось десятилетиями.

Узкий темный коридорчик вывел меня в жилую часть дома. Такую же сумрачную и тихую.

Я бросил сумку под вешалку, мельком заглянул на кухню,

дверь в которую находилась слева от входа. Тут было пусто и холодно.

Прямо по коридору виднелась темная лестница с потрескавшимися балясинами и гладкими перилами. Когда-то их дерево было блестящим, отполированным многими прикосновениями, теперь оно выглядело потускневшим. На крошечную площадку выходила крепкая черная дверь с круглой тусклой ручкой.

Я поднялся, открыл ее и сразу же, как всегда, первым увидел зеркало. Оно стояло в самой большой пустой и пыльной комнате напротив входа. Резная рама из красного дерева, от пола до потолка, чуть замутненное от времени стекло. Иногда оно отражало все что угодно, кроме того, кто в него смотрелся, но чаще всего честно играло роль обычной амальгамы. Как сейчас.

Я пошел навстречу своему отражению. Не остановился, когда оно оказалось совсем рядом, уверенно шагнул вперед, через тонкую стеклянную преграду. Ощущение осталось прежним – прохладная волна, мягко омывшая собой все тело, мгновение темноты и тут же теплый свет в лицо.

Я очутился по ту сторону зеркала.

Здесь тоже была комната. Просторная, светлая, заполненная шорохом старой бумаги, едва уловимым поскрипыванием половиц, тихими вздохами, солнечными бликами, отражающимися от стеклянных приборов и бокалов.

Вдоль стен стояли старые деревянные сундуки с плотно

закрытыми крышками. И я уже не помнил, что в них хранится. На длинных полках поблескивали странные с точки зрения нормального мира предметы. Песочные часы, чьи стеклянные колбы оказались завязаны узлом. Секстант с постоянно крутящимся барабаном микрометрического винта сверкал золотыми искрами. Стопки карт – когда-то я честно пытался изобразить схемы своих путешествий, но потом понял, что это бессмысленное занятие. Изогнутые вазы с такими же изогнутыми стеблями засушенных роз. И несколько десятков стеклянных банок с пуговицами. Самыми разными. Маленькими, большими, от мужских костюмов, пальто, женских кофточек и детских платьиц. Из пластика, металла, дерева, обтянутого тканью, дорогие и самые дешевые.

Некоторые из этих банок были заполнены лично мной.

Зеркало за моей спиной выглядело точно так же, как и в реальном мире. Это был единственный якорь, соединяющий две действительности. Сейчас дверь была открыта, и в ней отражалась пыльная комната.

Я еще раз взглянул туда и вдруг заметил краем глаза быстрое движение. Нечто темное и размытое бросилось на меня, попыталось прыгнуть на спину, занеся руку для удара... Я стремительно развернулся, перехватил тонкое запястье, вывернул его, заставляя выронить зажатый в ладони нож. И только после этого разглядел напавшего... напавшую на меня. Ею оказалась девчонка лет семнадцати – бледная, растрепанная, измученная, похожая на голодную, одичавшую кош-

ку. Она рванулась было из моих рук, но, видно, это отчаянное нападение забрало ее последние силы.

С беспомощным всхлипом девушка повисла на моих руках, уже не в состоянии сопротивляться.

– Как ты попала сюда?

Это был риторический вопрос, судя по плывущему взгляду и подкашивающимся ногам, вряд ли моя неожиданная гостья могла сейчас говорить.

Я взял ее на руки и понес прочь из зеркальной комнаты. Девушка была очень легкой и очень горячей. Даже сквозь толстый свитер и куртку, надетые на нее, я чувствовал лихорадочный жар ее худого тела.

Я уже приготовился долго приводить незнакомку в чувство, но, оказавшись за пределами зазеркального помещения, она почти сразу же пришла в себя.

– Пусти, – пробормотала моя незваная гостья, пытаюсь освободиться, – я сама.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, только... есть хочу, – призналась она, отводя взгляд в сторону, – просто умираю.

На кухне я усадил ее за стол, включил электрический чайник, вытащил из рюкзака сверток с оставшимися бутербродами, пару яблок. На полках нашлась коробка с сахаром и печенье, превратившееся в камень. Девчонка следила за мной голодным, настороженным взглядом, словно дикий зверек,

не привыкший к вниманию и ласке.

– Как тебя зовут?

– Хэл.

– Как?

– Ну Хэлена. Сокращенно Хэл.

– Понятно. Я – Мэтт.

– Очень приятно, – пробормотала она, кутаясь в свою безразмерную куртку. – Слушай, Мэтт, там... наверху остался мой рюкзак, в нем все мои вещи, ты не мог бы...

– Сейчас принесу.

Я вернулся в комнату, осмотрелся и действительно увидел в самом дальнем углу, под деревянным креслом, холщовый мешок с лямками, грязно-серого цвета. По весу он оказался легким, а по внешнему виду полупустым. Возвращаясь, я был почти уверен, что девчонка сбежала, воспользовавшись удобным случаем, но, войдя на кухню, увидел ее сидящей в той же позе. Значит, идти ей было некуда.

– Вот твои вещи.

Она подняла голову и посмотрела на меня. На тонком лице с острым подбородком и высокими скулами, обрамленном короткими темно-каштановыми локонами, сияли нереально красивые темно-серые глаза с длинными ресницами.

– Спасибо, – сказала девушка тихо, и я понял, что эта благодарность не за принесенный рюкзак.

– Не за что.

– Если бы ты не пришел, я бы там и умерла.

– Тебе повезло.

Я выключил чайник, разлил кипяток по двум кружкам. Придвинул к девушке тарелку с едой. Она сглотнула голодную слюну и снова взглянула на меня.

– И что, эринер вызывать не будешь?

– Обойдемся без стражей порядка.

Я, не спеша приниматься за еду, наблюдал за ней. Хэлена сидела, обвив ногами ножки табуретки, и жадно вгрызалась в бутерброд.

– Сколько ты пробыла за зеркалом?

– Дня два, а может, три... не помню.

Я опустил в ее кружку чайный пакетик, бросил пару кусков сахара.

– Не наедайся особо после долгой голодовки.

– Ничего. У меня железный желудок. Можно еще?..

Я отдал ей вторую половину бутерброда и спросил:

– На меня зачем напала?

Девушка нахмурилась, словно сама пыталась понять, что именно толкнуло ее на этот шаг отчаяния.

– Показалось, ты... ну, в общем... – Она мотнула головой, то ли не находя слов, то ли не желая говорить, и я решил не настаивать на ответе.

– Стащила что-нибудь?

Хэл ногой подтолкнула ко мне свой рюкзак.

– Нет. Можешь проверить. То есть сначала взяла кое-что.

Там у тебя много всякого, но, когда поняла, что не могу выбраться из комнаты, все вернула. Даже по местам разложила. Но это не подействовало. Чего я только не делала. И прощения просила, и клялась, что никогда больше ничего чужого не возьму. И зеркало пыталась разбить, и окна. Но там все словно каменное.

Она отодвинула опустевшую кружку и посмотрела на меня, ожидая объяснений.

– Ты что, не видела, куда забралась?

– Да, то есть нет. Было темно. А что?

– Дом, во дворе которого растет красная сныть, принадлежит сновидящему.

– Ах вот в чем дело. – Она потрясенно уставилась на меня своими огромными глазами. – Так ты – сновидящий?!

– Ну да.

– Никогда бы не подумала. – Хэл, забыв о еде, продолжала рассматривать меня. – Выглядишь... как обычный парень.

– А по-твоему, я должен быть старцем с длинной бородой, опирающимся на клюку? – улыбнулся я, разрезая яблоко на две части. – Как ты попала сюда?

– Просто вошла, – ответила она без особого желания.

Я молчал, ожидая продолжения, и Хэл с неохотой начала рассказывать, водя пальцем по столешнице:

– Я приехала в ваш городишко с парнем. Мы поссорились еще в «Ноте». Вернее, я психанула и, как только приехали, ушла. Было уже поздно, вокзал закрыт, все заперто, глухо-

мань полная, ну я и отправилась куда глаза глядят.

– И твой парень вот так отпустил тебя одну, в незнакомом месте?

Девушка равнодушно пожала плечами:

– Да что тут может случиться? Ну, и с учетом того, что мы были знакомы неполных два дня – ничего удивительного. В общем, я шла, злилась и сама не заметила, как очутилась на этой улице. Увидела твой дом... и меня вдруг потянуло к нему.

Она настороженно взглянула в мою сторону, видимо опасаясь, что я могу не поверить, но я кивнул, чтобы она продолжала.

– В окнах не было света, он показался мне пустым, заброшенным. Короче, я перелезла через забор, открыла дверь...

– Как?

– Шпилькой, – призналась Хэл, криво улыбнувшись.

– Ясно. Что дальше?

– А дальше мало интересного... – Она помрачнела и взяла обеими руками кружку, грея ладони о ее керамические бока. – Пошарилась внизу, ничего особенного не нашла, поднялась на второй этаж и увидела зеркало. Оно было таким... притягивающим. Я подошла к нему и вдруг поняла, что это не зеркало, а просто арка, проход в еще одну комнату. И там столько удивительных, прекрасных вещей. Я шагнула вперед и оказалась в ловушке.

Странно, что дверь пропустила ее. Обычно человек ви-

дит в ней только зеркальное стекло и не может проникнуть внутрь.

– Значит, это твой дом? – Она устало прислонилась спиной к стенке.

– Моего учителя, теперь мой.

– Твой учитель тоже сновидящий? – Хэл зевнула и отбросила с лица спутанные темные волосы.

– Да, – ответил я, не вдаваясь в подробности. – Думаю, тебе надо лечь поспать. Здесь есть свободная комната.

– Ладно, – согласилась девушка охотно.

Напряжение последних дней постепенно уходило, и теперь она почувствовала, что может расслабиться.

Я отвел ее в крошечную комнату с маленьким окном – свою бывшую спальню. Она тут же плюхнулась на узкий диванчик, блаженно потянулась. Ее короткая юбка поехала вверх, и я вдруг разглядел, какие у нее длинные, красивые ноги. Их обтягивали черные чулки, доходящие до середины бедра, и светлая полоска кожи, виднеющаяся над ними, выглядела невероятно соблазнительно.

– Сейчас принесу одеяло и подушку, – сказал я, отворачиваясь.

– Угу, – пробормотала она, стягивая ботинки.

Когда я вернулся, Хэл уже спала, свернувшись клубочком. Ее лицо стало умиротворенным и нежным, а на впалых щеках я разглядел две дорожки от слез.

Я укрыл ее пледом, подсунул под голову подушку и вышел

из комнаты, закрыв за собой дверь.

Остаток дня я провел, пытаюсь привести дом в состояние, пригодное для жилья. Открыл окна, чтобы прогнать затхлый запах. Разобрал и снова собрал колонку в маленькой ванной. Когда стемнело, зажег свет во всех комнатах, и теперь дом сиял в темноте, показывая жителям, что дорога к нему снова открыта.

Можно было не ложиться спать, но, блуждая по знакомым до мельчайших деталей помещениям, я вдруг понял, что не могу больше противиться желанию вновь увидеть то, чего так долго был лишен.

Я лег на кушетку, вытянулся на холодном, чуть влажном, как и все в этом доме, белье. Глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Сон накатил на меня сразу. Мощной волной океанического прибоя, ослепляя яркими красками и оглушая звуками, потянул за собой. Мир, забытый мной, открывался, звеня от радости, приглашал нырнуть в него с головой и забыть о реальности...

Я стоял на крыльце, залитом теплым светом. Вокруг алели цветы. Огромные деревья, каких не бывает в обычном мире, окружали двор со всех сторон и с добродушным вниманием смотрели на меня с высоты. «Давно не приходил... совсем забыл... сбежал».

Да, правда, сбежал. И не возвращался очень долго.

Я потянулся вверх, вернее, потянул пространство на себя,

как одеяло во сне, и одним усилием воли заставил его отдаляться, словно виртуальную карту мира.

Теперь я смотрел сверху.

Медленно «поднялся» до середины деревьев, видя, как уменьшается дом. Он выглядел так же, как и в реальности, и вокруг него тоже цвела сныть. Алое кипящее облако. Я «взлетел» над кронами, после очень долгих лет вновь изучая мир своих сновидений. Он не изменился, и я помнил до мельчайших деталей, что увижу в нем, если отправлюсь на запад или на восток.

Наш разум ни во сне, ни наяву не может создавать что-то из ничего, из пустоты. Нужны ориентиры из реальности, хотя бы несколько. Для меня ими стали этот дом – начальная точка, дорога к калитке в высоком заборе. Измененные, слегка искаженные, но вполне узнаваемые.

Юго-запад – самое любимое направление.

Я перемещал карту все быстрее и быстрее, «несся» вперед – ярко-зеленые луга с круглыми окошками озер мелькали внизу, вытягиваясь в изумрудно-серебряные полосы. Сердце заходило в частом, восторженном стуке, в ушах гудел ветер.

А потом я вдруг услышал чей-то голос, ощутил настойчивое прикосновение. Остановился, будто врезавшись в бетонную стену, почувствовал тошнотворное головокружение. Сон разорвался, разбился на кусочки и выбросил меня в реальность.

– Мэтт! Мэтт, ты меня слышишь?!

– Слышу. – Я открыл глаза и увидел перед собой в свете уличного фонаря встревоженную Хэл, закутанную в плед.

– С тобой все в порядке? – спросила она с беспокойством.

– Да, – ответил я сухо, все еще слыша, как колотится сердце. – Больше так не делай.

– Что не делать?

– Никогда не буди меня. – Я приподнялся, взял спички, лежащие на столе, и зажег свечу.

Огоньки теплого света отразились в сердитых глазах девушки, осветили ее белые руки, сжимающие плед на груди.

– Учту, – отозвалась она язвительно. – Не разбужу, даже если дом загорится или начнется потоп.

– Что случилось? – спросил я на тон ниже.

Хэл замаялась, явно не решаясь признаться в своих проблемах, и наконец выговорила:

– Ничего, просто страшно стало. Жутко. Муть какая-то снится. Душно. А ты вообще лежал как мертвый и даже, кажется, не дышал.

– Так бывает, когда я слишком далеко ухожу или очень глубоко погружаюсь в сон.

– Ясно. – Она переступила с ноги на ногу. Под ее ступнями скрипнула половица. – Слушай, можно я у тебя побуду?

Я прислонился спиной к жесткому ковру на стене. Хэл, зябко поеживаясь, устроилась рядом. Мы сидели бок о бок и смотрели в темноту за золотистым кругом от свечи.

– Мы одни в доме? – спросила девушка тихо.

– Одни.

– Я слышала сквозь сон шаги, шорохи, покашливание. А потом дверь приоткрылась, и мне показалось, что в щель кто-то смотрит. – Она вопросительно взглянула на меня, ожидая подтверждения своих страхов.

– Этот дом наполнен снами. Вернее, воспоминаниями о снах. А ты сама знаешь, что они бывают и приятными и страшными.

Она помолчала, плотнее закутываясь в плед.

– Когда я была маленькой, родные хотели отвести меня к сновидящему.

Я внимательно посмотрел на нее:

– Ты болела?

– Нет, – Хэл усмехнулась, – просто была упрямой, непослушной, слишком самостоятельной. И они решили, что мне не помешает небольшая коррекция. Я до сих пор помню проспект городского салона сновидений – фотография роскошного дома с огромными окнами, колоннами, садом камней, старыми оливами... ручей с мостиком, статуи...

Она замолчала, а я сказал:

– Да, городские центры выглядят очень впечатляюще.

– Не то что твой дом, – весело подтвердила она. – И деньги за услуги они берут не маленькие.

– Но как я погляжу, коррекция не удалась, – улыбнулся я.

– Да, – охотно подтвердила Хэл, явно гордясь своим

упорством. — Хотя женщина-сновидящая была очень милая, насколько я теперь понимаю. Красивая, элегантная... А я устроила истерику, отказалась засыпать и вообще буянила и рыдала. И она сказала, что не может работать со мной.

— Ты не хотела, чтобы она вмешивалась в твои сны?

Хэл кивнула:

— Да. Это был мир только для меня. Не для посторонних. Но я не могла объяснить это взрослым. Они не понимали.

Она перегнулась через меня, переставляя свечу, и та озарила ее лицо.

— Значит, ты спишь не так, как обычный человек?

— Да.

— И в чем отличие?

— Я могу спать только в этом доме.

Девушка помолчала, но не дождалась более подробных, детальных объяснений и спросила:

— В смысле? Как это? А в других местах не спишь?

— Нет.

— Вообще?!

— Только быстрая фаза, самая поверхностная. Это, в общепринятом понятии, не сон. Мозг частично отдыхает, но глубокого погружения нет. Я не отдыхаю во сне, как другие люди.

Хэл заинтересовалась. Повернулась ко мне, и ее взгляд жадно впился в мое лицо.

— А остальные сновидящие? Получается, им нужно посто-

янно находиться в одном-единственном месте? Они что, навсегда привязаны к своим центрам, где работают и куда приходят больные?

– Принимать пациентов можно где угодно. Но работают они в одном месте – там, где проходило их обучение, и не важно, что это – дом, квартира, шалаш на дереве, поляна в лесу. Сложная система связи реальности и пространства за гранью, которую нельзя разрушать.

В широко распахнутых пытливых глазах Хэл блестели два отражения крошечного язычка пламени.

– А если с этим домом, квартирой, шалашом что-то случится? Молния ударит, например? Или землетрясение?

Мне показалось забавным ее искреннее беспокойство и любознательность.

– С домом сновидящего ничего не может случиться. Он существует в двух мирах одновременно.

Она не слишком поняла мое объяснение, но сразу приняла его на веру.

– Слушай, а что это все-таки за комната, где я оказалась заперта?

– Рабочий кабинет.

Этот ответ ее тоже удовлетворил. Хэл повозилась, устраиваясь удобнее, и задала новый вопрос:

– Почему мне не удавалось выйти из него?

Главным было – почему ей удалось войти. И у меня имелось предположение, отчего это произошло. Но пока я пред-

почел ничего не говорить девушке.

– Не знаю.

– Ты говорил, этот дом принадлежал твоему учителю...

– Да.

– А что с ним стало?

– Он умер. Во сне. Иногда такое случается.

– Сочувствую. – Сочувствия в ее голосе не было, только любопытство. – А когда это случилось?

– Десять лет назад.

Она нахмурилась, покачала головой.

– Значит, ты не был тут десять лет?

– Да.

– И ты не спал все это время?! – Она фыркнула и усмехнулась. – Понимаю, почему тебе захотелось наконец вернуться.

Я рассмеялся, укладываясь обратно в постель и закрывая глаза.

– Если хочешь, можешь остаться здесь. А мне надо поспать. Как ты понимаешь, у меня во сне накопилось много дел.

Она пробормотала в ответ что-то саркастическое, потушила свечу, и, уже засыпая, я почувствовал, как она устраивается рядом, прижимаясь ко мне теплым боком.

Сон снова окружил меня яркими картинками. Гораздо более яркими, чем реальность...

Я шел на восток. Медленно, неторопливо. Сначала вдоль

реки. Берег становился все выше, выше... пока не превратился в крутой обрыв. Двухэтажные дома, стоящие на нем, были черными, заброшенными, безмолвными. За покосившимися заборами буйно цвела черемуха. Я мог бы ощутить ее запах, если бы постарался. Узкая тропинка вилась в высокой траве, и мне казалось, что я чувствую теплую землю сквозь подошвы ботинок.

На другой стороне реки, за густыми деревьями, пока еще невидимый, стоял странный, искаженный храм. Вокруг него, глубоко погруженные в землю, лежали каменные надгробия. Одно из немногих мест, где я не любил бывать. Обрывок старого кошмара, доставшегося по наследству, и я пока не смог избавиться от него.

Впереди показалась белая крепость. Старинная, полуразрушенная и тоже не помилованная временем – река, распавшаяся на десятки рукавов, текла по ней. Сбегала водопадами по стенам, промывала щели в каменных полах, бурлила в узких трубах, разливалась по залам. Освященная солнцем вода искрилась и отбрасывала блики на своды узких арок.

Я сделал несколько шагов по направлению к почти превратившемуся в развалины городскому укреплению и вдруг увидел впереди, посреди густого зеленого леса то, чего никогда не было и не должно было быть в моем мире. Огромное, бетонное высотное здание.

Сотни темных окон слепо смотрели на меня, крыша щетилилась антеннами, торчащими под самыми немыслимыми

углами. Я устремился к нему и тут же ощутил волну зимнего холода. Ледяной промозглый ветер свистел между каменных высотных громадин.

За первым небоскребом вырос второй, затем еще один. Стали появляться прохожие. Молчаливые темные фигуры беззвучно брели по обледеневшим мостовым, отворачивая от меня лица. Аура безысходности и тоски – предшественники надвигающегося кошмара – начали колоть сердце, но я привычно отгородился от них.

Впереди мелькнул знакомый силуэт. Тонкая фигура в куртке с чужого плеча, короткая юбка, полоска белой кожи между подолом и чулками. Растерянная, неровная походка заблудившегося ребенка, ссутулившиеся плечи, руки спрятаны в рукава от холода.

– Хэл!

Не услышала, не оглянулась.

Я поспешил за ней.

Людей прибавилось. Серые сгорбленные спины заслонили от меня девушку. Я ускорил шаг, чтобы догнать ее и вывести из этого унылого, ледяного сна.

Но толпа становилась все гуще. Меня начали толкать, наступать на ноги, оттеснять к кромке тротуара под колеса машин. Хэл тоже шла с видимым усилием, опустив голову и спотыкаясь.

Я уже с трудом продирался сквозь вязкий кисель чужих тел. Один из пешеходов толкнул меня особенно чувстви-

тельно, оглянулся, и я наконец увидел его лицо... все их лица. Белые листы с дырами вместо глаз, которые появляются, если проткнуть бумагу карандашом – черное отверстие с рваными краями. Они поворачивались ко мне и смотрели пустотой.

Силуэт Хэлэны еще раз мелькнул впереди. Но я успел заметить, как от безликого потока отделились две громоздкие фигуры, подхватили девушку и потащили в подворотню. До меня долетел отчаянный вскрик.

Холодные тела продолжали толпиться вокруг, кто-то аккуратно и цепко попытался ухватить меня за локоть. Я сунул руку в карман, точно представляя, что нужно из него достать. Зажигалка в моих пальцах блеснула металлом, с легким щелчком откинулась крышка, и жаркий огонек осветил бумажные лица. Безглазые шарахнулись в стороны и снова как ни в чем не бывало побрели по своим делам.

Я поспешил в подворотню, куда кошмар утянул Хэл. Она была там. Висела, едва касаясь носками ботинок асфальта, и цеплялась за веревку, затянутую на шее, изо всех сил при-вставала на цыпочки, чтобы не задохнуться.

Я мог управлять любым сном, меняя его правила, но сейчас следовало идти по течению этого. Я шагнул под арку, ее тень упала на мое лицо. Теперь стало возможно разглядеть мокрые сосульки волос девушки, мотающиеся из стороны в сторону, куртку, обвисшую на теле бесформенными складками...

Еще один шаг.

И тут же ко мне с двух сторон метнулись две безглазые фигуры. Я позволил им приблизиться. Как только меня коснулись костлявые ледяные руки, Хэл перестала дергаться. Медленно подняла голову, и я увидел ее торжествующе-любопытный взгляд. Западня, которую она приготовила для меня, сыграв роль беззащитной жертвы, захлопнулась.

Пальцы существ, впивающиеся в мои предплечья, перерезали ткань куртки, еще немного – и лезвия вонзились бы в кожу. Любопытный, жадный взгляд Хэл встретился с моим, и тут же в серых глазах мелькнула растерянность, недоумение, а затем страх. Она отшатнулась, веревка слетела с ее шеи.

И сон рассыпался ворохом сухих листьев...

Мы проснулись одновременно. Хэл сидела на кровати, тяжело дыша, и смотрела на меня широко распахнутыми глазами. В седом рассветном сумраке они казались почти черными.

– Мне приснился странный сон. Я видела тебя. И... – Она запнулась, осмысливая увиденное. Скорее всего, осознала, что пыталась мной манипулировать, быть может, даже желала причинить боль, но говорить об этом ей не хотелось.

– Я тоже тебя видел.

– И что это значит?

– Последний признак. Теперь я убедился окончательно. Ты – сновидящая. Такая же, как и я.

Она пригладила обеими руками живописно растрепанные волосы.

– Ты знал об этом?

– Предполагал. Тебя потянуло в этот дом, и зеркало пропустило тебя.

На ее лице промелькнули одно за другим – сомнение, недоверие, восторженное предвкушение и внезапное разочарование.

– Да нет, вряд ли. Я же не умею контролировать свои сны, просто смотрю их. В них постоянно происходит такое, на что я не могу повлиять. И сплю как обычный человек.

– Тебе нужна практика. И учитель.

– А долго учиться?

– Основы можно освоить за несколько месяцев. Практика будет проходить всю жизнь. Все зависит от твоих способностей и твоего дара.

Она смотрела на меня с жадным нетерпением.

– И ты знаешь, какие у меня способности?

Я знал. После этого яркого, леденящего сна догадаться было нетрудно.

– Пока ничего не могу тебе сказать.

Хэл выглядела немного разочарованной, однако не теряла надежды узнать что-нибудь еще.

– А какие они вообще бывают?

– Мы лечим во сне, дарим приятные видения, предсказываем будущее, заглядываем в прошлое, даем полезные сове-

ты. Но ты сама должна была слышать об этом.

– Слышала. Но вашими услугами могут пользоваться только очень богатые. Так что все это было далековато от меня.

– Дорого оплачиваются услуги аонид. Но у них действительно очень сложная задача и чрезвычайно редкий дар. Они работают с учеными и людьми искусства. Дарят им идеи, неожиданный поворот мысли, приводят в систему собранные знания. Эти сновидящие очень образованны, умны, обладают прекрасным, хорошо развитым воображением и вместе с тем чрезвычайно логичны, тратят огромное количество времени для саморазвития, и чаще всего они специалисты в какой-либо сфере науки или искусства.

– Ну да, понимаю, – задумчиво кивнула Хэл. – Чтобы работать аонидой, без университетского образования в сон не сунешься.

– Еще очень востребованы хариты и вдохновители. Они дают легкие, приятные, утешающие видения. Люди, погружаясь в них, отдыхают, развлекаются, радуются, наслаждаются. Также высоко ценятся оракулы и пифии – предсказатели будущего по сновидениям. Кроме этого они могут насладиться видением, которое помогает человеку изменить свою жизнь.

– А ты? – Хэл нахмурилась сосредоточенно.

– Мне пришлось развивать универсальные способности, – ответил я после крошечной паузы. – Но вообще я – эпиос. Исцеляющий.

Она помолчала, обдумывая полученные сведения, и зада-
ла неизбежный вопрос:

– А ты сможешь учить меня?

Дэймос. Создатель кошмаров. Тот, о ком не говорят, что-
бы случайно не привлечь. ...Еще один дэймос.

Понятно, что отпустить ее я не могу. Сила, живущая в
Хэл, сожрет ее, если она не научится управлять ею. Дар чер-
ной гурии может уничтожить не только саму девушку, но и
тех, с кем она общается или общалась.

Хэл терпеливо смотрела на меня, ожидая решения. Ей
очень хотелось стать такой же, как я. Превратиться из обыч-
ной девчонки в особенную, необычную, уникальную, обла-
дающую невероятной властью.

Хорошо, что на нее наткнулся именно я. Удача для нее.
Но не для меня...

– Я буду учить тебя.

– Здорово! Отлично! – Она схватила меня за руку и креп-
ко сжала от полноты чувств. – Когда первый урок?

– Сегодня.

– И с чего начнем?

– С самого простого. Для начала постарайся увидеть во
сне свои руки.

– И все? – Хэл разочарованно отодвинулась, хмуро глядя
на меня из-под густой челки. Видно, решила, что я подшу-
чиваю над ней. – Что за ерунда? Я и так не раз видела их.

– Сделаешь это осознанно. Вспомни о моем задании, под-

ними ладони и посмотри на них.

– Ну ладно. – Она пожала плечами. – Но только это как-то слишком просто.

– А ты попробуй, – усмехнулся я.

– Сейчас?

– Нет, вечером. Я хочу привести дом в порядок до появления первого клиента.

– Думаешь, кто-нибудь придет? – спросила она скептически, выбираясь из постели.

– Уверен.

Пока Хэл умывалась, я составлял список необходимых дел и покупок.

– Так, что тут у тебя? – Она появилась у меня за спиной, беззаботно навалилась на мое плечо и стала читать вслух: – Сахар, пряники, печенье, мармелад...

Хэл прервалась, поднимая взгляд от бумаги.

– Мы что, будем есть только сладкое?

– Это не для нас.

– Собираешься клиентов кормить? Чай, кофе, сбор с ромашкой и мятой... Это для особо нервных, что ли? – Она тихо хмыкнула и выдернула у меня из-под руки листок. – Проще было бы все заказать по Сети. Но пока тут у тебя дождешься доставки... Я схожу в магазин.

– Ты не знаешь, где он находится.

– Вот заодно и узнаю. И нечего меня контролировать.

– Как ты одна сумки понесешь?

Хэл фыркнула, закатывая глаза:

– Не смейся! От полкило баранок и банки кофе я уж как-нибудь не надорвусь.

– Ну ладно. Деньги...

– Да знаю я, где у тебя лежат деньги.

И моя будущая ученица бодро удалилась, я слышал только, как громко хлопнула, закрываясь, дверь.

Следующие полчаса я занимался тем, что переставлял мебель, готовя комнату для занятий. И так как обучение должно проходить во сне, мне понадобятся по меньшей мере две кровати...

Кушетка из спальни медленно ползла по полу, задевая ножками за паркетины. Она уже добралась до центра коридора, когда я услышал звук, странный в доме, где не должно быть никого, кроме меня. Шаги на втором этаже.

Я замер, напряженно прислушиваясь, и спустя минуту тяжелый скрип половиц над головой зазвучал вновь. Кто-то неторопливо, размеренно расхаживал по зазеркальной комнате, останавливаясь время от времени. И я узнавал эти шаги.

Говорят, дэймосы не умирают до конца, превращаясь в кошмары, и иногда могут вернуться в реальность. Если о них помнят.

Наверное, я был бы рад увидеть его, вот только почему-то, поднимаясь по лестнице вверх, сжимал в руке тяжелый металлический прут, служивший в доме кочергой для камина.

– Феликс... это ты?

Ответом мне был шелест.

Я открыл дверь, пересек пыльную нежилую комнату и остановился перед зеркалом. Все звуки с той стороны смолкли. Напряженная тишина приглашала войти. Мое отражение в потускневшей амальгаме то увеличивалось, то уменьшалось, словно по ней шли волны. Крепче сжав прут, я шагнул вперед через стеклянную завесу.

Золотистые искры от секстанта рассыпались острыми шипами, розы зловеще зашуршали высохшими листьями, пуговицы в банках взглянули на меня сотнями мертвых глаз.

– Феликс?

Тишина стала натянутой, звенящей. Прямоугольник света, льющийся из окна, заслонил темный силуэт. Кто-то заглядывал с той стороны в комнату. Я быстро посмотрел влево, успел заметить голову и плечи, прижатые к стеклу, но они исчезли, и солнечные лучи снова беспрепятственно потекли внутрь. А у меня за спиной раздался тонкий звон треснувшего хрусталя. Я повернулся, от большой банки откололся кусок и упал на стол. Из дыры посыпались пуговицы. Весело подскакивая, они катились по полу, разбегаясь кто куда.

Рядом треснула еще одна емкость, и новые разноцветные кругляшки горохом запрыгали по доскам.

Я, не двигаясь, смотрел на это представление. Не испытывая ни смятения, ни удивления, скорее меня одолевало любопытство, что последует дальше. Те, кто управляют страхом

во сне, наяву очень быстро утрачивают способность бояться чего бы то ни было. Впрочем, наше общество и так практически вылечилось от недуга панического ужаса и неуверенности, а сновидящие часто оказывались лишены даже элементарной осторожности и любого мистического трепета.

– Что-то еще? – спросил я с интересом, оглядываясь. – Или мне уже можно идти?

Ответом был едва уловимый знакомый бархатный смех, тающий вдали.

Затем из реальности послышались тихий хлопок калитки, быстрые уверенные шаги. Внизу бухнула дверь, и зазвучал звонкий голос Хэлены:

– Эй, Мэтт, кровать теперь что, в коридоре будет стоять?

Я вышел из комнаты, запер дверь. Увидев меня, спускающегося по лестнице, Хэл нахмурилась и, не глядя, поставила полную сумку на пол.

– Что случилось?

– Ничего.

– А это зачем? – Она указала взглядом на прут.

– Ты все купила?

– Да, – ответила девушка, продолжая смотреть на меня недоверчиво. – Зачем ты один мебель двигал? Дождался бы меня. Что у тебя за дурацкая манера делать все самому?

Я поднял сумку и понес ее на кухню. Хэлена шла следом за мной и делилась впечатлениями:

– Знаешь, городок ничего себе так. Вполне уютный. Толь-

ко на меня пялились все встречные. И в магазине пытались выведать, откуда я. Где живу? С кем?

– Маленький город, – ответил я рассеянно, выгружая продукты на стол, – каждое новое лицо вызывает интерес.

– А когда узнали, что я из этого дома, насторожились. – Хэл, слегка потеснив меня, принялась помогать. – И пона- рассказывали много занятного про его хозяев.

– Например?

– Если опустить историю про сатиров, пляшущих в огороде, и маленьких девочек в белых платьях, сидящих на ветвях по ночам, то остаются стоны, которые раздавались отсюда в полночь, дым из окон, горящие, но не сгорающие деревья и вороны, летающие кругами над домом.

– Мой учитель был большим оригиналом. – Я невольно улыбнулся.

– Странно, что вас не выселили отсюда или не пытались поджечь. – Она, не глядя, засунула сладости в буфет и с грохотом захлопнула дверцы.

– Выселять не решались. Поджечь не получилось. Кроме того, он был великолепным целителем. Мог вылечить любую болезнь. И за это ему прощались все странности.

– Хотела бы я познакомиться с ним. – Хэл мечтательно уставилась в окно, подбрасывая на ладони яблоко.

– Да, думаю, ты бы ему понравилась. Он обожал решительных молодых девушек. ...Но учить ему пришлось меня.

– А какие у вас были отношения? – Хэл повернулась ко

мне. Ее глаза засветились от любопытства.

– Сложные, – ответил я уклончиво. – Ладно, сначала поставим на место кровать, затем завтрак, а потом начнем первое занятие.

Но ничего из запланированного мы сделать не успели.

Деликатно хлопнула калитка, по крыльцу тяжело протопали подошвы мужских ботинок и процокали женские каблуки. Во входную дверь негромко постучали.

– Я открою! – Хэл перепрыгнула через кушетку, которую мы двигали совместными усилиями, и помчалась в коридор.

Я последним пинком отправил важное «средство обучения» в комнату, прислушиваясь к приглушенному разговору. Громкий голос моей весьма самоуверенной ученицы заверял визитеров, что они не ошиблись и тот самый сновидящий живет именно здесь. Причем «тот самый» было произнесено с чрезвычайно внушительной интонацией.

Дверь в дом распахнулась, и я вышел навстречу гостям. Мужчина средних лет, в недорогом деловом костюме сдержанного серого цвета смотрел на меня недоверчиво и хмуро. Женщина – невысокая хрупкая блондинка в небесно-голубом платье – с удивлением, надеждой и легкой растерянностью. Я был уверен, они не ожидали, что мастер снов будет выглядеть как я, обычно каждый клиент придумывал образ в силу своего воображения и при виде меня чаще всего разочаровывался. Моя реальная внешность слабо соответствовала поэтичному званию эпиоса.

Затем их взгляды переместились на угол кровати, двусмысленно торчащий из комнаты.

– Доброе утро, – сказал я и дружелюбно улыбнулся, когда оба посмотрели на меня.

– Доброе, – кивнул мужчина, подавая мне руку. – Это вы новый сновидящий?

– Сновидящий, – подтвердил я, отвечая на его крепкое пожатие, – но не новый.

Хэл за спинами гостей подавила крайне не вежливый смешок.

– Прошу, проходите. Хэлена, приготовь чай.

Девушка состроила недовольную гримасу, ей совсем не хотелось торчать на кухне в то время, как я стану беседовать с потенциальными клиентами. Но нацепила маску невинной приветливости, когда те оглянулись на нее.

– Прошу в гостиную.

Я провел их в самую большую комнату. Она находилась точно под рабочим кабинетом и повторяла его размерами. Здесь все еще было прохладно, темновато, хотя рассеянный свет из окон придавал таинственность круглому столу в центре, необъятному дивану, занявшему всю стену, и шкафам из черного дерева, забитым книгами. Одинокий солнечный лучик лежал в глубокой пасти камина. Я подумал мельком, что в следующий раз надо его растопить, чтобы все здесь соответствовало образу обиталища мудрого врачевателя и сновидца.

– Располагайтесь, пожалуйста.

Гости заняли места у стола. Передвинув тяжелые стулья так, чтобы оказаться совсем рядом, бок о бок. Я подумал, что сейчас мужчина взял спутницу за руку, пытаясь передать ей часть своей уверенности.

Я сел напротив, намеренно отдалившись, и несколько секунд рассматривал их, чтобы составить впечатление. Далеко не богаты, но стараются выглядеть достойно. Одежда довольно приличная, а в платье женщины даже виден некий изыск – скорее всего, шила сама. Светло-русые волосы мужчины аккуратно подровнены, но сделано это явно не в дорогом салоне, по всей видимости, стригла жена дома. Лица приветливые, открытые, симпатичные, хотя следы усталости и тревоги легли под глазами тенями и мелкими морщинками, приопустили уголки губ. Знакомое выражение.

Пришли просить не за себя. И я их последняя надежда. Вернее, последняя надежда женщины, в ее голубых глазах, красиво оттененных синевой платья, светится отчаянное упование на всесильных мастеров сна. Ее спутник настроен более скептически. Не доверяет, насторожен. Плечи под тщательно отутюженным пиджаком напряжены будто каменные, челюсти сжаты, светло-ореховые глаза под густыми бровями смотрят недоверчиво.

Впрочем, я его понимаю. Можно только догадываться, скольких эскулапов ему пришлось пройти, чтобы наконец оказаться в моей пыльной, полутемной гостиной.

– Целер сновидящий... – Гостья решила первой нарушить молчание, но я перебил ее с улыбкой:

– Называйте меня просто Мэтт. И мне было бы приятно знать ваши имена.

– Лидия.

– Саймон, – сухо, хоть и вежливо произнес мужчина.

– Мэтт... – Еще одна попытка, и снова тишина, стало слышно, как Хэл на кухне звенит посудой, девушке не терпелось быстрее присоединиться к нам, чтобы присутствовать при разговоре.

– Кто в вашей семье болен?

Женщина разомкнула губы, посмотрела на мужа. Но того не удивил этот вопрос, последовавший за недолгим наблюдением, и он продолжал не слишком любезно сверлить меня взглядом.

– Сын, – сказала Лидия, и в ее приятном голосе зазвучала решимость человека, давшего себе слово биться до конца с препятствиями и жизненными сложностями. – Ему шестнадцать. У нас с собой медицинская карта. – Она начала открывать сумочку, но я остановил ее жестом.

– Расскажите, что с ним.

– Раскалывание рассудка, – жестко произнес Саймон. Он напряженно ждал моей реакции, пытаясь определить, насколько сложную задачу они мне задали и не спасую ли я перед ней сразу.

Хэл, появившаяся в комнате с подносом в руках, конечно

же не сдержалась и заявила в своей категоричной манере:

– Но сейчас это лечится и без сновидящих. В обычных клиниках.

– Моя ученица, – пояснил я, принимая неизбежность ее стихийной активности.

– Все началось, когда Эйсон был у моих родителей. Они боролись, как могли, потом подключились мы, но тоже ничего не сумели сделать. Лекари оказались бессильны... – Лидия рассеянно следила за девушкой, с космической скоростью расставлявшей чайный сервиз на столе. Кивнула благодарно, когда перед ней оказалась чашка с чаем, немного выплеснувшимся на блюде, поставленная решительной, хотя и не слишком бережной рукой. – И мы уже были у сновидящего в мегаполисе два месяца назад.

– Каковы результаты лечения?

– Эйсон впал в кому. – Во взгляде мужчины промелькнула боль. – И находится в ней уже месяц.

– А что, бывает такой эффект? – Хэл уселась между мной и клиентами, подтолкнула к ним вазочку с печеньем. – Угощайтесь.

– Иногда бывает, – ответил я, замечая, что гости начали невольно расслабляться в присутствии моей ученицы, умело изображающей раскованную непосредственность. – Уверен, мой коллега сделал все, что было в его силах.

Саймон недоверчиво хмыкнул.

– Среди нас нет шарлатанов, – продолжил я мягко. – Нет

желающих нажиться на бедах других, и нет недобросовестных специалистов.

– Моя мать говорила, здесь жил очень сильный сновидящий, – тихо произнесла Лидия, глядя в чашку. – Почти Гипнос. И когда мы узнали, что дом вновь открыт, решили попытаться еще раз. Скажите, вы нам поможете?

Она подняла голову, посмотрела на меня с отчаянной надеждой. Лучик солнца, заглянувший в комнату, заиграл на ее волосах, и они вспыхнули золотистым венцом.

– Я помогу вам.

Женщина улыбнулась, ее муж, несмотря на свою недоверчивую сдержанность, тоже расслабился, свободнее расположился на стуле.

– Но должен предупредить. Я буду действовать исключительно в интересах пациента.

– Да, конечно! – воскликнула Лидия.

– Нет, вы не понимаете. – Я остановил ее радостный порыв. – В интересах вашего сына, а не в ваших. Если он стремится выйти из комы, я выведу его. Если захочет выздороветь, я исцелю его. Но если Эйсон решит умереть, я помогу ему.

Они испугались. Все сидящие за столом, включая Хэл, посмотрели на меня так, словно увидели впервые.

– Умереть? – прошептала Лидия, сжимая чашку с таким напряжением, что ее пальцы побелели. – Он не может захотеть такого.

– Кома – разновидность сна. Вашему сыну было мучительно тяжело в реальности. Он страдал. И погрузился в мир, где не испытывает боли, отчаяния и страха, который внушала ему болезнь.

– Да, нам говорили то же самое. – В голосе Саймона впервые прозвучала растерянность, впрочем, быстро сменившаяся гневом: – Но ты даже его историю болезни не посмотрел! Какие можно делать выводы?! С чего ты взял, будто Эйсон чего-то там хочет?! Он без сознания! Ничего не осознает! А ты предлагаешь нам убить собственного сына?!

Лидия опустила руку на его крепко сжатый кулак, и мужчина замолчал, глядя на меня исподлобья и тяжело дыша.

– Я предлагаю вам подумать, – ответил я спокойно и доброжелательно. – Взвесить все еще раз и принять окончательное решение. Чего вы хотите – собственного спокойствия или блага для сына.

Они уходили молча, не прощаясь, не глядя на меня. Разочарованные, оскорбленные, потерявшие последнюю надежду.

Когда захлопнулась входная дверь, Хэл, все это время сидевшая очень тихо, шумно вздохнула и откинулась на спинку стула.

– Ну ты даешь, Мэтт! Что, вот так прямо и надо было им влепить – лучше всего вашему сыну помереть?

Я улыбнулся, глядя на ее возмущенное лицо.

– Этого я не говорил.

– Но прозвучало именно так. Я до последнего думала, ты просто набиваешь цену. Или хочешь отвязаться от них, потому что никогда не лечил больных в коме. И вообще, почему ты такой довольный?

– Рад, что ты испытываешь сострадание.

– Ну конечно, все добрые и милые, а я бревно бесчувственное! – Она вскочила и с возмущением принялась сгребать посуду на поднос.

А я смотрел на нее и думал, как важно для потенциального дэймоса сохранять человеколюбие и душевное тепло. Если я смогу поддерживать их в Хэлене, она не переступит опасную грань.

Мои размышления прервал хлопок двери. Девушка забыла об уборке. Я поднялся. Быстрые решительные шаги приблизились. В комнату вошел хмурый Саймон.

– Мы подумали и решили. Делайте, как будет лучше для него. Только передайте, что мы по нему скучаем и ждем назад. – Он положил на стол сверток, который мял в руках. – Здесь его медицинская карта, может, все же понадобится. Эйсон сейчас в городской клинике, вы можете прийти к нему в любое время.

– Мне не требуется личный контакт с пациентом. Принесите мне пуговицу с одежды, которую он носил.

Мужчина удивился и посмотрел на меня с новым выражением. Сдержанное уважение мелькнуло в его взгляде.

– Значит, все, что про вас говорили, правда. Воздействию-

ете на расстоянии. – Он сунул руку в карман, вытащил маленький белый кружок, завернутый в целлофан, и положил поверх толстой истории болезни своего сына. – Сколько мы вам должны?

– Если у меня получится вылечить Эйсона, я попрошу вас поменять проводку в доме. Вы ведь электрик?

Он растерянно моргнул:

– Как вы поняли?

– По вашему критическому взгляду на провода. Они давно устарели.

– Еще пятьдесят лет как, – Саймон улыбнулся криво, услышав о простых, знакомых вещах.

– И вы пытались разглядеть, где находится распределительная коробка. Профессиональный интерес. Он будет включаться вне зависимости от того, что вы переживаете. А ваша жена – конструктор одежды?

– И очень хороший, – ответил мужчина с оттенком гордости. – Она весь город обшивает, у нее небольшая мастерская... – Гость запнулся и посмотрел на меня по-новому, как на человека, способного на нормальные эмоции. – Вы действительно поможете Эйсону?

– Я сделаю все, что в моих силах. Даю вам слово.

Саймон глубоко вздохнул, словно снимая с плеч тяжелейший груз, выражение его лица с тяжелой челюстью и запавшими от усталости глазами стало чуть мягче.

– Когда будет известен результат?

– Через три часа.

– Так быстро?! – Первые искорки доверия в его светлых глазах вспыхнули ярчайшей надеждой. – Тогда мы к нему в больницу! Будем рядом.

Он стремительно развернулся и удалился едва ли не бегом. Теперь они станут сидеть подле сына, так же как ожидают в коридоре родственники больного, которому делают сложную операцию.

– Хэл, бросай посуду, – велел я, слыша в своем голосе интонации Феликса, звучавшие, когда он отдавал мне распоряжения по работе. – Запри двери, закрой окна. Первый урок начнется немедленно.

Девушка оставила поднос и с азартом бросилась выполнять поручение. Ей не терпелось погрузиться в «волшебный мир», совершить нечто невероятное и понаблюдать за мной в действии. Помнится, я так же рвался в сон вместе с учителем, правда, задачи у меня чаще всего были совершенно иные...

В моей комнате ждали два рабочих места. Хэл задернула плотные шторы. В мягком полумраке на кроватях, застеленных пледами, выделялись квадраты белых клеток и глубокие провалы черных. Символические шахматные доски, с помощью которых сейчас предстояло разыграть сложную партию. Я, не раздеваясь, лег на одну, Хэл устроилась на другой, с воодушевлением ожидая продолжения.

Я взял ее за горячую ладонь и сцепил наши руки дешевым,

гибким пластиковым браслетом.

– Мы теперь так и будем всегда спать? – не удержалась девушка от комментария, произнесенного самым невинным голосом.

– Какое-то время, иначе я не смогу тебя контролировать.

– Ну ладно.

Она пошевелила пальцами, поворачивала запястьем, хмыкнула едва слышно.

– А теперь послушай меня, Хэл.

Она тут же подняла взгляд, заинтересованная моим серьезным тоном.

– Сейчас мы войдем в мир снов. Я не знаю, что мы там увидим. Не знаю, что нам предстоит. Твоя задача – не сопротивляться мне. Следовать за мной и быть очень внимательной. Это ясно?

– Да, – ответила она голосом послушной девочки. – Правда, есть небольшая проблема, учитель. Я не хочу спать.

– Это легко решается. Существуют специальные слова-приказы. Одно из них погружает в сон. Ложись. Закрой глаза. Расслабься. Выбрось из головы все мысли.

Она сделала, что я просил. Вдохнула, положила ногу на ногу, снова легла ровно, затем, приняв наиболее удобную позу, отбросила со лба спутанные каштановые пряди, честно пытаясь отключиться от всего лишнего.

– А теперь слушай. – Я крепко сжал пуговицу Эйсона в ладони, понизил голос до шепота и произнес медленно то са-

мое слово-приказ, которое всегда гарантированно усыпляло меня: – «Вокруг...»

Девушка улыбнулась, хотела сказать что-то, но я повторил:

– «Вокруг-уг...»

Несколько секунд ученица лежала неподвижно, потом недовольно пошевелилась, резко вздохнула, потерла запястья и сказала недовольно:

– Не помогают твои волшебные слова.

– Неужели?

Она повернулась ко мне, вздрогнула и распахнула глаза от удивления.

– Ничего себе! Ты так изменился!.. И наши руки больше не связаны...

– Это мир снов, Хэл.

Я поднялся, протянул ей ладонь и помог выбраться из кровати, заметив попутно, что моя рубашка превратилась в короткую тунику, брюки оказались заправлены в высокие сапоги с мягкой подошвой. За голенищем виднелась рукоять ножа. Пуговица из ладони исчезла.

– Как я выгляжу? – Хэл вертела головой в поисках зеркала.

– Прекрасно.

Ее голову венчал тяжелый узел прически, несколько тугих завитков спускались на шею. Длинный белый хитон, заколотый на плече золотой фибулой, струился складками до

самой земли.

Я предполагал, что она почувствует хотя бы легкую робость перед первым заданием, но моя ученица уверенно поспешила к выходу из дома.

– Все то же самое, – произнесла девушка с разочарованием, когда мы вышли на крыльцо.

– Не спеши. В первый раз переход должен быть плавным. Как только окажемся за калиткой, все изменится. Помнишь, что я тебе говорил?

– Да. Быть внимательной и не отходить от тебя.

– Тогда идем.

Мы не торопясь шагали по узкой тропинке, проложенной среди пышно разросшейся сныти. Деревья над головой смотрели молчаливо и угрожающе. Холодный ветер ползал среди цветов, слегка шевеля их стебли.

Хэл невольно поежилась, начиная ощущать некую враждебность окружающего.

– Как мы найдем обратную дорогу?

– Когда все закончится, сон сам выбросит нас.

Она нахмурилась, видимо осознав окончательно, куда нам предстоит погрузиться. Впереди ожидало гнетущее сновидение тяжелобольного, и, хотя девушка доверяла мне, задача вдруг показалась ей очень сложной.

– А что мы должны делать?

– Искать знаки.

– Какие?

– Твоя одежда. Что она тебе напоминает?

Хэл коснулась прически, развела длинные складки хитона, полюбовалась ремешками золотых сандалий, оплетающими голени, покрутила медальон, свисающий на длинной цепочке с шеи. Поиск ответа слегка отвлек ее от тягостных предчувствий грядущего испытания.

– Ну... похоже, я жрица какого-то храма.

– Не какого-то, а древней богини Аты. Это персонификация обмана, помрачения ума, заблуждения, глупости.

– Очень мило, – вынесла вердикт моя ученица, уже без особого удовольствия глядя на подол своего одеяния. – Для моего первого визита в мир снов в качестве видящей не могли подобрать образ поприятнее. Любви, счастья...

– Нет, все очень логично. Эйсон болен, его разум поврежден, сон тоже заражен, искажен. И ты олицетворение обмана, который окружает этого человека.

– Откуда ты знаешь?

– Давно работаю с этим пространством. Оно очень чутко реагирует на вторжение. Мы для него не враги, мы – часть сна, и этот мир переделывает наш облик под себя.

Беседуя, мы неторопливо приближались к калитке. Я настраивался на серьезную работу, Хэл пыталась узнать как можно больше за очень короткий промежуток времени.

– Но откуда этот свихнувшийся парень мог знать о богине Ате?

– Где-то слышал или читал, видел символ. Подсознание

зацепило, трансформировало и выдало картинку.

– Значит, наш пациент сам создает мир, в который мы сейчас попадем? – Она потянула себя за длинный кудрявый локон и принялась в задумчивости накручивать его на палец.

– Все гораздо сложнее. Человек влияет на свое пространство, оно отражается на нем и на нас, а вся остальная огромная сфера сновидений, частью которой является сон этого человека, переделывает все, что нас окружает, по своим законам.

– Какие это законы?

– Я буду рассказывать тебе постепенно.

– Что, если человек обожает, например, фильмы про космос – мы стали бы двумя космодесантниками?

– Не исключено.

Девушка рассмеялась:

– Хорошо, я жрица обмана и сумасшествия. А кто ты, вестник света?

– Убийца.

Она уставилась на меня с глубочайшим недоумением. В серых глазах отразилось мое перевернутое лицо.

– С чего ты взял?

Я показал ей татуировку на своем запястье. Изогнутый, зазубренный нож.

– Орудие мойры Атропы, перерезающей нить человеческой жизни.

– Но почему...

– Твоя версия?

Хэл задумалась, покусывая нижнюю губу.

– Он хочет умереть, – произнесла она наконец уверенно. – И не может. Хочет прекратить страдания, но заперт в палате и в своем теле.

– Верно. Я – избавление для него.

– Так ты все-таки должен убить его?

– Освободить. Выпустить из безумия, в которое он заточен. А как мне придется это сделать, пока не ясно.

– Ты уже делал нечто подобное?

– Да.

– Ну, тогда ладно. Идем?

– Ты готова?

– Готова.

Я распахнул тугую створку. За ней была глубокая, влажная ночь, подсвеченная редкими желтыми фонарями. Мы шагнули в нее одновременно...

...и я едва успел выхватить Хэл из-под колес огромной повозки, подобной тем, какие ездили по улицам наших городов пару тысяч лет назад.

– Это что еще такое?! – воскликнула девушка, переводя дыхание.

– Колесница-бига, – ответил я, не спеша выпускать из рук талию спутницы.

– Мом тебя поberi! – произнесла она тихо, но эмоционально, также не торопясь отстраняться.

Громоздкое сооружение, скрипя колесами, медленно катило по неровной мостовой, подскакивая на мокрых камнях. Две понурые лошади тащили его. Возница, с ног до головы закутанный в черный плащ, оглянулся и недвусмысленно угрозил нам кнутом.

Мы стояли в начале узкой улицы. С обеих сторон возвышались старые деревянные дома. В темноте они казались ненадежными, ветхими, шаткими конструкциями. Как попало сложенными детскими кубиками с криво прорезанными окнами. Верхние этажи нависали над нижними и грозили свалиться на мостовую, рассыпаясь трухлявыми досками. Фонари были разбросаны по фасадам так, словно их развешивали безумцы. Одни круглые кованые светильники оказались привинчены на уровне колен, освещая куски мокрой мостовой, другие на высоте человеческого роста, следующие застряли между первым и вторым этажом, а некоторые забрались под самую крышу.

Запах гнилого дерева и свежего дождя, перемешиваясь, окутывал нас влажной дымкой.

Хэл посмотрела на небо, затянутое тучами, и спросила уже без прежней самоуверенности:

– Куда теперь?

Я указал вперед. Рассохшаяся бига громыхла где-то вдали. Мы двинулись следом за ней.

Пальцы девушки, держащие меня за предплечье, вдруг сжались сильнее. Я проследил за ее взглядом и увидел, что

тот упирается в покореженную черную стену.

– Они движутся, – произнесла Хэл дрогнувшим голосом.

Ближайшее пятно света под окном внезапно шевельнулось, и я разглядел гигантского жука. Его брюхо пульсировало желтым огнем, крепкие щетинистые лапы скребли по дереву, а челюсти угрожающе сдвигались.

Оригинальные фонари. Теперь понятно, почему их так разбросало по домам – они просто сами переползали с места на место.

Одно из насекомых, сидящее у самой земли, расправило крылья и, угрожающе гудя, полетело в нашу сторону. Смачно шлепнулось на камни, а затем, шевеля длинными усами, резво побежало к девушке.

Хэл взвизгнула и дернулась, собираясь отскочить.

– Прекрати, – приказал я ей и ударом ноги отшвырнул жука в сторону. Носок сапога погрузился в нечто упругое, мерзко хлюпнувшее при соприкосновении. «Фонарь» приземлился на все шесть лап, обиженно заскрипел и вновь полез на стену.

– Извини, – виновато ответила ученица, прижимаясь ко мне теплым боком. – Они противные.

И это говорила девица, управляющая толпой безглазых чудовищ в собственном мире.

– Будешь трусить, накинута всей стаей.

Хэл поежилась, затем глубоко вздохнула, пытаясь справиться с отвращением и страхом.

Я не предложил ей вернуться в безопасную реальность, не обещал защищать и оберегать. Вместо этого сказал жестко:

– Первый закон нашего мира. Нельзя бояться. Ничего, никогда. А это, – я небрежно махнул рукой в сторону жука, грызущего доски, – самое жалкое из того, что ты можешь увидеть. Но твой ужас даст ему силы и превратит в непобедимое чудовище. Хочешь быть сновидящей – уничтожь в себе гидру страха.

Хэл отстранилась, расправила плечи, выпрямила спину – похоже, взяла себя в руки.

– Поняла. Все в порядке.

Мы снова направились вперед. Девушка больше не цеплялась за меня, но все же старалась держаться рядом.

Издали долетал невнятный гул человеческих голосов. Нестройный хор, прерывающийся внезапными паузами.

– Здесь есть люди? – Моя спутница прислушалась, склонив голову к плечу. По тяжелому узлу прически скользнул отблеск света и заиграл в волосах разноцветными искрами.

– Конечно есть.

– Кто они такие?

– Химеры, порожденные больным разумом. Воспоминания. Частицы личности Эйсона.

– Нам надо быть осторожными с ними? – Задавая этот вопрос, она старательно подбирала слова, помня о моей реакции на ее страх и не желая, чтобы я подумал, будто ученица вновь испугалась.

– С некоторыми. Остальные могут быть вполне дружелюбны.

– Как же все это странно, – пробормотала девушка.

Мостовая под ногами стала еще более неровной. Плохо обтесанные камни торчали из нее, и приходилось быть очень внимательными, чтобы не спотыкаться. Улица вдруг начала сужаться. Хэл закрутила головой, обеспокоенно оглядываясь. Дома нависли над нами, пытаясь придвинуться, чтобы сжать между замшелыми стенами, но я развел руки в стороны – и здания послушно отпрыгнули на свои места.

Одно из них покачнулось, издав долгий скрип. В деревянном фасаде мелькнул фрагмент кладки из ярко-красного кирпича. Часть его выступила вперед острым углом, другая терялась внутри стены.

Я подошел ближе.

– Что это? – тихо спросила Хэл, вместе со мной рассматривая находку.

– Пока не знаю.

Я щелкнул пальцами, и несколько жуков-фонарей, повинаясь моему жесту-приказу, поспешили подползти, чтобы осветить выщербленную поверхность алых камней.

– Почему они все тебя слушаются? – Девушка покосилась на огромных насекомых.

– Долгая практика. – Я наклонился и только теперь в неровном желтом сиянии смог разглядеть полустертый рисунок.

– Арка, – сказала Хэл. – А под ней...

– Огонь. Костер.

– Это имеет какое-то значение? – Она посмотрела на меня.

– Безусловно. Еще бы понять какое... – Я выпрямился, заметив движение неподалеку, и произнес громко: – Эй, почтенный! Можно вас на минутку?

Ученица едва не подпрыгнула от удивления, стремительно оборачиваясь, и почти столкнулась с пожилым мужчиной, спешащим на мой зов. Я не успел проследить, откуда он появился. Вполне возможно, что из ближайшего подъезда.

– Всегда рад помочь, – произнес он, глотая некоторые буквы в словах.

Хэл с жадным любопытством уставилась на химеру. Тот выглядел как обычный человек, хотя и далекий от современности – одет был в серую хламиду с обтрепанным краем. А вот голос его оказался слишком скрипучим для человеческого.

– Скажите, что это за обломок? – Я указал на край кирпичной кладки.

– О! – произнес он многозначительно. – Здесь скрыт один из жертвенников древности.

– Не понимаю ни слова, – тихо сказала Хэл.

Для нее фраза прозвучала как невнятный набор звуков.

– Потом расскажу. Значит, жертвенник? – вновь повернулся я к старику.

– Один из семи. Ходят слухи, если соединить их в цепь, откроется великий путь. Больше я ничего не знаю, к сожалению.

– Благодарю за помощь.

Химера покосился на девушку, белым тонким силуэтом стоящую рядом, и боком медленно начал отходить в сторону, не спуская с нее восторженного взгляда. Затем огляделся украдкой, схватил одного из жуков, ловко свернул ему голову и бережно положил светящуюся тушку к ногам Хэл.

– Мэтт, – умоляюще произнесла моя растерянная ученица. – Что мне делать?

– Это подношение жрице Аты, – отозвался я, сдерживая смех. – Поблагодари.

– С-спасибо, – сквозь зубы произнесла она.

Химера растроганно закивал и начал пятиться, чтобы отойти, не поворачиваясь спиной к прекрасной служительнице богини безумия.

– Берегитесь возницу, – предупредил он напоследок, прежде чем шмыгнуть за ближайшую дверь.

– И куда это теперь? – Девушка аккуратно коснулась мертвой тушки ногой, обутой в золотую сандалию.

– Возьми с собой. Выйдет отличный фонарь.

– Сам подбирай эту падаль, – скривилась Хэл.

– Мне-то не в первый раз. Знала бы ты, что и где мне приходилось подбирать. – Я развязал веревку, заменяющую мне пояс, наклонился, обвязал дохлого жука и поднял ценный

артефакт в воздух. — Закон номер два. Нельзя пренебрегать дарами сна. Какими бы они ни были.

— Ну и забирай этот дар себе, — фыркнула она, отворачиваясь.

— Не могу. Он для тебя.

Хэл обреченно вздохнула.

— Понимаю. Но не хотел бы ты понести его... какое-то время?

— Ну ладно. — Я повесил «фонарь» на пояс. — Так и быть.

— И еще просьба. Понимаю, что тебе очень забавно наблюдать за мной. Наверное, я веду себя глупо. Но не мог бы ты перестать ухмыляться! Мало того что это вообще оскорбительно, так мы тут, если ты не забыл, человека спасаем, а не развлекаемся.

Мне понравилось последнее замечание, выдающее беспокойство о пациенте.

Я слышал, что настоящий актер не тот, кто торопится правильно произнести свой монолог и уйти со сцены, а тот, кто стремится как можно дольше на ней остаться, наслаждаясь каждым моментом. Похоже, я все больше становлюсь «хорошим артистом», получающим удовольствие от любой мелочи в мире снов и абсолютно не спешащим покидать его. Но для Хэл пребывание здесь — тяжелое испытание. В какой-то мере ломка сознания.

— Извини. Постараюсь быть серьезнее.

Она кивнула, довольная моим пониманием.

– Так что сказал этот тип?

– Ищем семь таких жертвенников.

– Зачем?

– Закон номер три. Сон – не хаотичное нагромождение безумных фантазий. Несмотря на все странности, он обладает очень логичной структурой. И в каждой есть особые зацепки, важные фрагменты, на которых эта реальность построена. Наша цель – найти их и правильно использовать, чтобы изменить все происходящее в свою пользу. Сон – порождение мозга. Даже если мозг болен, поврежден – то сон будет содержать в себе признаки болезни, но его структура все равно не окажется разрушена полностью.

– Ясно. Значит, ищем знаки.

– Запомни это место. Быть может, придется вернуться.

Она сосредоточенно кивнула, оглядываясь по сторонам.

Мостовая вывела нас на небольшую площадь, от которой лучами расходились улицы. Я насчитал десять абсолютно одинаковых дорог. По ним туда-сюда слонялись человеческие фигуры. С первого взгляда их перемещение казалось бессмысленным. Но после нескольких минут наблюдений стало понятно, что они подходят к постаменту в центре площади, стоят возле него и лишь потом бредут дальше.

– А вот и второй, – сказала Хэл и решительно устремилась вперед, ловко лавируя среди пешеходов.

Люди вокруг выглядели обычными прохожими – мужчины, женщины, подростки, дети, молодые, старые, совсем

юные. Почти на всех были длинные серые хламиды из мешковатой ткани, хотя иногда попадались на глаза мужчины, одетые, как я, – в туниках и штанах, заправленных в сапоги. Одна Хэл сияла белоснежными складками хитона. Но на нее обращали внимания не больше, чем на меня, а если иногда встречались взглядом, то вежливо улыбались и шли дальше по своим делам.

– Интересно, Эйсон тоже бродит где-то здесь? – Хэл с любопытством осматривалась.

– Вполне возможно.

Он оправдывал свое имя, означающее – ловкий, быстро перемещающийся. И пока не показывался на глаза, скрываясь где-то.

В толпе слышались негромкие разговоры, добродушный смех, редкие выкрики детей. Но невозможно было разобрать ни слова – невнятный шум, однако я не переставал прислушиваться к нему.

На стеле в центре площади тоже оказался рисунок – на этот раз две арки и огонь под ними.

– Интересно, – глубокомысленно произнесла ученица, проводя кончиками пальцев по шершавым, крошащимся кирпичам. – Ведь это же что-то значит.

Я не ответил. Неподалеку раздался стук копыт по мостовой и поскрипывание разохшихся бортов. Слышался равномерный свист кнута.

Люди отреагировали на него – засуетились, бессмысленно

перебегая с одной стороны дороги на другую, стали сталкиваться и падать.

– Пойдем-ка отсюда. – Я взял Хэл за руку и потянул за собой.

– Разве ты не всемогущий сновидящий с огромным опытом? Тебе ли прятаться от какого-то кошмара на колесах? – шутливо спросила она, но поспешила за мной.

Мы перебежали через площадь, и, как только оказались в глухой тени, под навесом очередного искривленного дома, с соседней улицы выехала колесница. Две слепые лошади волокли ее по мостовой, гигантское сооружение подпрыгивало на неровностях дороги, раскачивалось, словно древний корабль во время шторма. Возница, закутанный в плащ, стоял выпрямившись во весь рост. Изредка его кнут взлетал в воздух и со свистом опускался на головы прохожих, в панике разбегающихся из-под колес повозки.

Хэл вздрогнула, когда черная плеть обрушилась на споткнувшегося парня. Его голову рассекло пополам. Человек упал на камни разрубленным деревом.

– Зачем он это делает? – очень тихо спросила девушка.

У меня было одно предположение, но я не спешил высказывать его.

– Понаблюдаем – пойдем.

– А кто он такой?

– Вполне возможно, олицетворение болезни Эйсона.

– Ну так и сдернем его с колесницы, – хмуро сказала Хэл.

Я продолжал наблюдать за возницей. Он гнал лошадей по площади и хлестал кнутом людей, мечущихся в панике перед ним. Одним удавалось уклониться, другие выстилали ему дорогу к жертвеннику, путь к которому, как теперь становилось ясно, он пытался расчистить. И когда не осталось ни одной живой преграды, колесница рванулась к камню, стоящему в центре. Извивающаяся плеть упала на неровную кладку, раз за разом высекая красную крошку из кирпичей. Та летела во все стороны, словно брызги крови.

– Похоже, этот камень не нравится ему гораздо больше, чем люди. – Хэл неосторожно шагнула вперед, едва не выступив из тени, я удержал ее, но возница уже заметил движение.

С неправдоподобной легкостью развернув колесницу, он устремился к нам.

– Уходим! – Я снова схватил ее за руку и потащил за собой.

– Почему мы все время убегаем?

– Потому что мы еще не готовы встретиться с ним.

– И когда наступит этот счастливый момент?

– Когда найдем все, что должны.

Грохот копыт за спиной становился все громче, так же как и свист плети. Но я уже потянул дверь ближайшего подъезда. Она подалась с большим трудом, издавая натужный скрип. Толкнул в темноту Хэл, нырнул следом за ней и отпустил тугую створку.

Колесница проехала рядом, зацепив бортом за грубо сколоченные доски, кое-как закрывающие вход. Ненадежная преграда затряслась. Тушка жука, по-прежнему висящая у меня на поясе, продолжала слабо светиться, но этого было достаточно, чтобы разглядеть длинную рваную щель в двери. Затем все стихло. Мы стояли еще некоторое время, прислушиваясь. Однако ничего не происходило.

Хэл глубоко вздохнула и огляделась. Подняла взгляд к потолку. Он был очень низким – я почти касался его головой. Потом заметила криво сбитые, неровные ступени лестницы, ведущие вниз, в полную темноту, и спросила негромко:

– Что там?

– Глубины сна, – так же тихо ответил я. – Те самые, что порождают чудовищ.

– Тебе приходилось там бывать? – Она приподнялась на цыпочки, чтобы разглядеть что-нибудь в глухой черноте.

– Приходилось. Раз или два.

– А нам не нужно будет спускаться?

– Нет. Тогда я выполнял другие задания. Для нашего в такие дебри забираться не требуется.

Хэл очень хотелось спросить, что я делал и что именно видел, но она придержала любопытство для более спокойной обстановки.

– Вроде бы уехал. – Девушка вновь прислушалась. – Можно выбирать.

Она вопросительно посмотрела на меня.

Я открыл дверь и первым вышел из подъезда. Улица была пуста. Кособокие дома, освещенные живыми фонарями, нависали над мостовой. В одном из окон на втором этаже мелькнула размытая тень. Все спокойно...

Громкий свист над головой заставил меня вскинуть руку, машинально защищаясь. Тонкая плеть обвилась вокруг предплечья, захлестнув металлический наруч. Совсем близко вскрикнула Хэл.

Я развернулся, запрокинул голову и увидел колесницу. Громоздкая конструкция вместе с лошадьми стояла на стене дома, словно та была продолжением мостовой, а повозка – гигантским насекомым, с легкостью забирающимся на любые отвесные поверхности. Возница смотрел на меня сверху. Его лицо по-прежнему скрывал капюшон, однако я чувствовал пристальный, едкий взгляд из темноты.

Кошмар застыл на долю секунды, похоже, еще никогда не видел, чтобы кто-то мог противостоять его оружию. Затем рванул кнут на себя, но сбить меня с ног не сумел.

– Мэтт! – прозвучал рядом испуганный вскрик Хэл.

Я дернул плеть, однако не смог вырвать кнутовище из ладони, затянутой в черную лоснящуюся перчатку.

Силы были равны. Он тоже понял это, подался вперед, ослабляя натяг, и ремень как живой сполз с моей руки.

Возница размахнулся снова, но на этот раз удар пришелся по лошадям. Они рванули вверх по стене, топча жуков-фонарей, оставляя трещины в досках, и утянули повозку на кры-

шу.

– Мэтт, ты как? – бросилась ко мне Хэл.

– Нормально. – Я взглянул на предплечье. Наруч покрывали глубокие полосы, словно металл проплавился.

– Кем он себя возомнил?! – Возмущению ученицы не было предела. – Гениохеем? Возницей Гелиоса? Думает, ему вообще все позволено?! – Девушка смотрела наверх, надеясь разглядеть движение колесницы на крыше.

– Именно так он и считает.

Я заставил наруч исчезнуть. И внимание Хэл переключилось на этот несложный трюк.

– Как ты это делаешь?

– Воображение, Хэл.

Она хмыкнула в ответ на мой ироничный тон:

– Коротко и ясно. Ладно, как будем искать остальные жертвенники? Неужели придется тупо бродить от дома к дому?

– С помощью этого. – Я приподнял дохлого жука, все еще висящего у меня на поясе. – Заметила, что рядом с алтарями он начинает светиться сильнее?

– Нет, – нехотя призналась ученица.

– А я говорил, что нужно быть внимательной к деталям. Знаешь такую игру «холодно-горячо»?

– Конечно.

– Сейчас сыграем.

Я быстро пошел вперед, держа жука на вытянутой руке,

как фонарь. Он то бледнел, то разгорался ярче, когда я поворачивал в нужную сторону. На улицах снова начали появляться люди. Проехала тележка торговца каким-то мелким барахлом, заставив Хэл нервно оглянуться на поскрипывание колес. Повозка была заставлена корзинами, набитыми ржавыми, кривыми гвоздями. Пробежали несколько детей, со смехом гнавших перед собой стайку светящихся жуков, еще бескрылых, с короткими усами и лохматыми лапами. Прошли две женщины, их лица были точными копиями лица матери Эйсона – только одна совсем юная, а другая – старуха.

Город снова жил обычной жизнью.

– Мэтт, послушай. Это... селение большое, как ты думаешь?

– Бесконечное, как человеческий разум. – Я свернул под низкую арку, освещая маленький дворик, заваленный деревянными ящиками и грязными тряпками.

В них копошились крысы. Морда одной, повернувшейся на звук наших шагов, показалась мне знакомой.

– Мы могли бы блуждать здесь очень долго, – продолжил я, делая вид, что не заметил хищную, наглую тварь. – Если бы сновидящий, который лечил Эйсона, не оказал нам любовь, установив здесь маяки.

– Маяки?

– Маяки, реперные точки. ...Жертвенники.

– Так ты думаешь, они – результат работы сновидящего? –

Хэл аккуратно приподняла подол белоснежного хитона, перешагивая черную лужу, растекшуюся по земле.

– Уверен. И я узнаю почерк этого эпископа.

Парня лечила Хлоя. Талантливая, не лишенная порывов благородного безумия в принятии неожиданных решений. Вполне возможно, если бы Эйсона привезли к ней во второй раз, она привела бы его в сознание.

– То есть мы разгребаем ошибки и доделываем чужую работу?

– Именно. Но должен признать, этот труд проделан мастерски. Все дыры заштопаны, поток сознания приведен в систему, реперы расставлены...

За штабелем из гнилых досок мелькнул желтый свет, и мы с Хэл поспешили подойти ближе.

Вокруг груды жуков-фонарей, сваленных как попало, разместились пять фигур. Одна привалилась к стене, три сидели на ящиках, еще одна помешивала что-то в мятой закопченной кастрюле, пристроенной над «костром».

Они не выглядели враждебными. Просто кое-как собранные скелеты, на которые небрежно намотали грязные, пыльные тряпки. Двигались они тоже медленно, точно преодолевая сопротивление воздуха, наполненного помоечной воню.

Один из жителей ночного города обернулся, заметив нас, сказал что-то своим приятелям, и вот уже все пятеро уставились на двух путников, забредших на огонек.

– Пойдем, погреемся, – предложил я Хэл.

– Хочешь узнать у них что-то?

– Нет. Собираюсь договориться, чтобы нам случайно не открутили головы.

– Они опасны? – насторожилась девушка, непроизвольно замедляя шаги.

– Могут быть...

– Кто это?

– Ониры – божества вещей и лживых сновидений.

– Я думала, их не существует в реальности, – зашептала Хэл, с огромным вниманием рассматривая тощие силуэты.

– В реальности они и не существуют, – усмехнулся я, – а в этом мире – сколько угодно.

– Ты знаешь, как с ними обращаться?

– Да.

– А мне что делать?

– Быть дружелюбной.

Свет «костра» освещал истощенные, голодные лица существ. Сухая кожа обтягивала рельефные черепа, больше подошедшие бы рептилиям и, казалось, по ошибке попавшие на человеческие скелеты. Скорее всего, эти пятеро были слугами Икела – бога сновидений, который умел превращаться в животных, в отличие от Фантаса, принимающего облик неодушевленных предметов, а также явлений природы, и Морфея, специализирующегося исключительно на людях.

Хэл держалась рядом. Ее взгляд быстро перебегал с одного «бомжа» на другого. Она ждала от них какой-нибудь неприятности и не знала, как реагировать.

– Холодно сегодня, – начал я вежливую беседу, неторопливо приблизившись.

Они смотрели на нас, не спеша поддерживать мой дружественный порыв. Красные искорки в черных провалах глазниц вели бесконечные завораживающие хороводы.

– Как бы дождя не было. А то опять все фонари расползутся – придется в темноте бродить.

Тощие фигуры не двигались, мрачное молчание было красноречивее любого ответа.

– Супчиком угостите? – Я преувеличенно заинтересованно заглянул в котелок и увидел в нем зеленоватую, лениво побулькивающую жижу.

– Ты, может, не будешь совсем наглеть? – очень тихо прошептала Хэл за моим плечом.

Они же едва заметно пошевелились, не ожидая подобной бесцеремонности от незнакомца, столь навязчиво лезущего в чужую компанию. И я увидел, что все пятеро соединены друг с другом длинными тонкими нитями дыма. Он струился, вытекая из одного костлявого тела и впитываясь в другое. Плавал в воздухе, кольцами стлался по земле, льнул к доскам стоящего рядом дома и, поднимаясь наверх, уползал в чердачное окно.

Я быстро посмотрел туда и за грязным стеклом разглядел

огромный выпученный глаз – его белок был испещрен выступившими кровеносными сосудами, радужка блеклым студенистым пятном расплывалась вокруг черной дыры зрачка. Оттуда, из его глухой пустоты, тянулись дымные струи, связывающие голодных существ.

Интересно. Очень интересно. Значит, младшие служители сновидения под присмотром кого-то из старших.

Наконец один из ониров недобро усмехнулся, неспешно наклонился над котелком, лениво помешал варево, зачерпнул и подал мне с насмешливым поклоном. Я взял подношение.

Черенок гнутой закопченной ложки оказался ледяным, хотя должен был нагреться от кипящего «супа».

– Даже не думай! – яростно прошептала Хэл. – Ты что, отравиться захотел?! Или самому в жука не терпится превратиться?

Не обращая внимания на ее грозные пророчества, я быстро выпил зелье, пока ониры не передумали угощать сновидящего. Оно было холодным, густым, с ярким привкусом маковых зерен. Очень знакомым. Едва ощутив его, я понял, как соскучился по нему. Один долгий глоток, язык и горло онемели на несколько мгновений, но тут же все прошло. Я почувствовал мощный прилив сил и неуместного веселья. Но если первое оказалось очень кстати, эйфорию предстояло сдерживать.

Ониры с легкой насмешкой наблюдали за мной. Сидящий

у костра забрал ложку, снова помешал эликсир, зачерпнул новую порцию и повернулся к Хэл.

– Спасибо, – ответила она поспешно. – Я помню правило про дары сна, но, пожалуй, пропущу этот ход.

Существо ухмыльнулось и вылило угощение обратно.

– У меня будет еще одна просьба. – Я вновь мельком посмотрел наверх. Глаз по-прежнему пялился на нас, дымные полосы из зрачка продолжали опутывать служителей. – Я ищу обрыв сна. Подскажите, где его можно найти.

Онир, стоящий у стены в глухой тени, подался вперед. Так же, как я только что, поднял голову, заглядывая в чердачное окно. Дождался беззвучного приказа, молча вытянул руку и указал на противоположную стену. Повинуясь его движению, доски затрещали, закачались и раздвинулись, образуя узкий ход, ведущий в темноту.

– Благодарю, – сказал я с искренним почтением. – Могу я сделать что-то для вас?

Существа обменялись быстрыми взглядами. «Повар» разломил ложку пополам, поманил меня, предлагая подойти ближе, протянул руку ладонью вверх, и я в ответ подал свою. Онир крепко уцепился за мое запястье, острый обломок уколол кожу под пальцами сначала слабо, а затем сильнее, нанося невидимый, но весьма чувствительный рисунок. Все закончилось довольно быстро. Служитель сна выпустил меня и отстранился, всем видом показывая, что чужак перестал быть ему интересен. Я сжал кулак, снова расслабил кисть и

сказал им:

– Понял. Сделаю что смогу. Еще увидимся.

Безразличный кивок был мне ответом.

Я взял изнывающую от любопытства Хэл за предплечье и повел к разрезавшей стену трещине. Девушка несколько раз оглядывалась на загадочных существ и задать первый вопрос решилась, только когда ониры оказались скрыты за горой ящиков.

– Что такое обрыв сна, который ты якобы ищешь? – выпалила она на одном дыхании.

– Думал, прежде всего ты спросишь, не навредило ли мне зелье и как я себя чувствую.

Она скептически хмыкнула:

– И так вижу, что прекрасно. Физиономия у тебя сияет, как у Кома, божества праздников. Поэтому можешь пить, а также есть любую дрянь и дальше. Но пока, будь добр, ответь.

В первый миг я был доволен ее интересом к теории сна, а не моему состоянию здоровья и даже хотел сказать об этом, затем вспомнил, что пытаюсь воспитать из черной гурии эписоса. И значит, должен поощрять прежде всего порывы человеколюбия. Однако пока решил не заострять на этом внимание и вернулся к интересующей нас обоих теме.

– Обрыв – место, где плотный, логичный поток сновидения прерывается. Нечто вроде Мглы, попадая в которую все живое превращается в нее же – бесконечный, бесформенный

мрак. Его нужно закрыть.

Стены коридора, по которому мы шли, оказались черными, гладкими, мокрыми, пронизанными тонкими белыми сосудами, непрерывно пульсирующими и подрагивающими. Жук-фонарщик в моей руке освещал такую же поверхность внизу, та слегка пружинила под ногами. И все вокруг источало сильный аромат горного мака. Хотя вполне возможно, этот запах исходил от меня, выпившего зелье ониров.

– Чувствую себя так, словно попала прямо в мозг Эйсона, – пробормотала Хэл, по-прежнему идущая за мной, и произнесла громче: – Я думала, наша цель – жертвенники.

– Они – заплатки, которые целитель поставил здесь. – Я помедлил, пропуская девушку вперед, чтобы удобнее было следить за ней, не применяя технику «глаза на затылке». – Но эпиос не смог до конца сшить порванную ткань.

– То есть мы лечим Эйсона и одновременно штопаем мир снов?

– Да. Иначе просто устраним симптомы, но не победим болезнь. Он ненадолго придет в себя, а потом снова рухнет в свое надорванное подсознание.

– Как все это сложно. – Хэл хотела запустить пальцы в волосы, чтобы растрепать их по привычке, но вспомнила о сложной прическе и убрала руку. – А что онир нарисовал тебе на ладони?

– Послание родственникам. Служители не всегда могут переходить из одного сновидения в другое и общаться друг с

другом. Поэтому я никогда не отказываюсь от роли посыльного.

Несколько мгновений Хэл осмысливала услышанное. Серое пятно выхода впереди стало ярче и крупнее. Повеяло влажной ночной прохладой. Мне показалось, я слышу уже знакомый стук копыт и свист кнута.

– А что ониры вообще делают? – Ученица повернула голову в мою сторону. – Какая у них роль?

– Наблюдают. Усиливают или ослабляют видения, транслируют поток информации, отключают сознание, переводят из одной фазы сна в другую. Они как нейроны в человеческом организме, передающие нервные импульсы. Как провода в доме, по которым идет электрический ток.

– Ясно. Хочешь стать хорошим мастером, подружись с онирами.

– Точно.

– Ладно. Теперь скажи, как ты себя чувствуешь после их варева? И вообще, как тебе пришло в голову его пить?

– Большая удача встретить слугителей сна, готовящих эликсир сновидения. Они делают его из собственной крови, которая не что иное, как маковый сок. Нам он дает мощный приток энергии, укрепляющей наши способности, будит фантазию, освежает восприятие, потому что мак...

– Знаю. Растение – атрибут Гипноса.

– Да. А Гипнос – сын Ночи, брат Танатоса – смерти, Немезиды – богини возмездия, мойр – хранительниц судьбы, Эри-

ды – раздора... и наш с тобой покровитель.

Хэл слушала меня затаив дыхание. Она невольно выпрямилась, расправив плечи, впервые осознав, какому могущественному созданию мы служим.

Конечно, в реальном мире боги древности давно превратились в просто персонифицированные понятия. Вряд ли кто-либо рассчитывал встретить у себя во дворе Олефра – божество разрушения, или живого сильвана – обитателя гор. Когда перед началом трудного и долгого дела мы вспоминали о Гестии – хранительнице домашнего очага и жертвенного огня, это не означало, что все ждали ее личного появления и конкретной помощи в решении проблем. А поговорка «поймать Кайроса» не предполагала действительно схватить крылатого бога неуловимой удачи за длинную прядь волос, а лишь призывала ценить каждое счастливое мгновение... Хотя, конечно, сложно было опровергать предположение, что незримо они присутствовали рядом...

Но в мире снов любое абстрактное определение становилось реальностью.

– Гипнос тоже существует? – спросила Хэл, перебивая мои размышления.

– Никогда не встречал. Но не исключаю возможности столкнуться с ним. Только никто не знает, чей образ он примет и узнаешь ли ты его.

Глубокий прерывистый вздох девушки выдал ее волнение и восхищение. Похоже, она все больше убеждалась в пра-

вильности своего решения стать моей ученицей.

Стены тоннеля, открытого онирами – младшими детьми Гипноса, – завибрировали и с легким шипением стали смыкаться за нашими спинами. Пришлось поторопиться.

Из тайного хода мы почти выбежали. И тут же оказались на краю огромной пустой площади. Над ней в черном небе кружили жуки-фонарики. В тишине завывал ледяной ветер.

– Мне здесь не нравится. – Хэл передернула обнаженными плечами, поежилась. – Больше, чем где бы то ни было.

– Неудивительно. Мы приближаемся к обрыву сна.

Каждый шаг по неровным плитам отдавался звоном в ушах. По телу под одеждой прокатывали волны озноба. Фонарики над головой носились безумными стаями, разбрасывая неровный, яростный свет. Мой личный жук-факел разгорался все сильнее. Восприятие мое на секунду сдвинулось, сознание покачнулось. Я увидел со стороны два крошечных силуэта – один тонкий, в развевающемся белом хитоне, обхвативший себя за плечи, чтобы защититься от холода, второй – выше, шире в плечах, с яркой звездой в руках. А вокруг бушевало море вечной Мглы. То, что было раньше Хаоса, Дня и Ночи. Завораживающее ничто.

Площадь заканчивалась пустотой. Как будто некто гигантский и вечно голодный обгрыз пространство неровным куском. Черная бесконечность напозла на край города. И в ней, на расстоянии пары десятков метров, висел жертвенник.

За ним виднелся следующий, дальше – едва заметной красной точкой еще один.

– Третий, – прокомментировала Хэл. – Четвертый. Пятый и шестой. Седьмой пока не вижу. Твой дружественный эпиос не мог установить их поближе?

Она уже немного пришла в себя, хотя близкая Мгла бросала глухие тени на ее лицо и отражалась непроглядной чернотой в ясных прежде серых глазах.

– Если не установил, значит, не мог.

Мощный порыв ветра толкнул нас в спину. Взмахнул подол моей ученицы, вытащил несколько длинных прядей из ее прически.

– Ты постоянно так защищаешь своих коллег. А между прочим, тот целитель даже обрыв не сумел как следует заштопать.

– Вот этим мы сейчас и займемся.

– Как?

– Твои предложения?

– Откуда я знаю. Это ты пил эликсир ониров, вот и включи свое воображение.

– Вспоминай, Хэл. На камнях были четкие инструкции по применению.

Она поняла, что больше не дождется от меня подсказок, и невидящим взглядом уставилась на жертвенник, парящий в пустоте. Нахмурилась, прикусила нижнюю губу, затем вскинула голову с тяжелым узлом волос на затылке и посмотрела

на меня с видом победительницы.

– Там было нарисовано пламя. Значит, надо разжечь на них огонь. Причем именно в той последовательности, как мы их находили. Сначала на первом – где изображена одна арка, затем на втором – где их две... потом выбрать из этих висящих вон там – третий... и так далее.

– Все правильно.

Хэл улыбнулась, довольная своей сообразительностью:

– Ну хорошо, и что это нам даст?

– Дополнительные возможности.

– Можно мне получить пару крыльев и золотую цепочку? – поинтересовалась она уже знакомым мне нежным тоном, за которым скрывалась бездна иронии.

Я усмехнулся.

– Крылья сильно смещают центр тяжести. Опрокидывают на спину, приходится идти согнувшись.

– Уже пробовал?

– Сделал однажды в юности такую глупость.

Хэл рассмеялась, но веселое и беззаботное выражение тут же скатилось с ее лица. Глаза расширились. Я повернулся в ту сторону, куда она смотрела. К нам неторопливо и совершенно бесшумно приближалась колесница. Возница многозначительно помахивал кнутом, уверенный, что двум непрошеным гостям его города теперь некуда будет деться – линия домов, которые могли послужить укрытием, отступила волной мощного отлива. Колоссальная площадь превратилась в

арену предстоящего боя. Мягко колышущаяся Мгла с редкими точками жертвенников ограждала ее с одной стороны, и мощная, неукротимо приближающаяся колесница – с другой. Расстояние между ними неумолимо сокращалось.

– Хэл, – сказал я негромко, глядя на лошадей, которые со времени нашей последней встречи выросли раза в два и обзавелись горящими красными глазами. – Ты должна осветить жертвенники. И быстро.

– Что?! – воскликнула она.

– Эта тварь набирается сил от Мглы. Запечатый обрыв. Только не огонь, а... Помнишь, что я говорил про дары сна? Насекомое, которое тебе дала химера, «фонарь»... Их надо осветить...

– Поняла! ...А как же ты?

– Задержу возницу.

Она хотела возразить, начать спорить, предложить уходить вместе, пожаловаться на страх, неумение и первый визит в этот мир. Но лишь произнесла сквозь зубы:

– Сделаю.

– Если поймешь, что не справляешься, добейся помощи у ониров. Используй воображение и вот это. – Я сдернул с пояса «жука» и подал ей.

Хэл, еще совсем недавно кривившаяся при виде фонарщиков, схватила того обеими руками, крепко прижала к груди, ободряюще кивнула мне и бросилась бежать. Вдоль линии обрыва, обходя телегу по широкой дуге, в сторону дале-

ких домов, к первому жертвеннику.

Я посмотрел прямо в лицо возницы, раскручивающего над головой свистящий кнут. Жаркое дыхание лошадей уже касалось меня, земля под ногами подрагивала от ударов тяжелых копыт, окованных железом. Невидимый взгляд из-под темноты капюшона вонзался в меня разъяренной гарпией. Казалось, даже слышны хлопки крыльев, олицетворения безжалостной бури у него над головой.

– Ну, здравствуй, Эйсон, – сказал я, вынимая нож из-за голенища. – Давно пора было поговорить.

Хлыст ударил по мостовой рядом со мной, пробив в камне тонкую глубокую борозду. Мгла давала силы моему пациенту, но и я не зря пил эликсир ониров. Я провел клинком по воздуху, словно рассекая его, из тонкого разреза вылетела едва видимая лента дыма, обвилась вокруг ножа, превращаясь в подобие бича возницы. Я взмахнул им, и мой «хлыст» обрушился, но не на человека – он обрубил дышло и упряжь лошадей, те взвились на дыбы, издавая оглушительное ржание, и, грохоча копытами по камням, помчались к пропасти. За ними волочились оборванные поводья. Несколько прыжков, пара гнедых упала во Мглу, создавшую их, и растворилась там.

Повозка, оставшись без ездовых, ткнулась бортом в мостовую, и Эйсону пришлось выпрыгнуть на землю. Теперь мы были на равных. Он стоял напротив, в нескольких шагах, и его бич как хищная рептилия извивался на земле. Поднял

руку, замахиваясь, но удара не последовало. Откуда-то изда- лека и в то же время совсем близко повеяло теплом. Словно мимо пролетела одна из аур – нимф дуновений – и косну- лась меня мягким, легчайшим крылом, нежно погладив по щеке. Эйсон же дернулся, как от пощечины. Я услышал его тихий, злобный рык, наполненный болью. Хэл осветила пер- вый жертвенник.

– Молодец девочка, – сказал я тихо, хотя знал, что она меня не услышит.

Возница бросился на меня. Мне пришлось пригнуться, кнут просвистел над головой, срезав прядь волос. Я выпря- мился и хлестнул в ответ, он подставил руку, копируя мою недавнюю защиту, но не так успешно, полоса дыма среза- ла рукав балахона и оставила красную полосу на его коже. Эйсон отшатнулся, из-под капюшона послышалось шипение боли.

Мы стали кружить друг напротив друга, примеряясь и оценивая... Наконец бич возницы метнулся к моим ногам, я подпрыгнул и стегнул по кожаной петле до того, как она успела отползти. Обрубленный кусок забился у моих сапог, пытаюсь напоследок обвиться вокруг лодыжки, и растянулся на земле дохлой змеей.

Мой кнут из бледного тумана устремился к Эйсону, но не догнал его. Он уклонился с нечеловеческой ловкостью. Об- ратное сальто с места, я увидел, как блеснули набойки-под- ковы на его каблуках, увернулся от очередного удара, и меня

окутал новый поток тепла.

Зажегся второй жертвенник. Мне показалось, будто тучи над городом разошлись на миг, в неровном разрыве мелькнул яркий луч.

Он меня и ослепил. Но лицо обожгло не солнцем. Кожаный бич, хлестнув, прошелся наискось через лоб и левую щеку, к счастью не задев глаз. Боль была вполне реальной и порядком меня разозлила.

Моя плоть взвилась в воздух и со свистом рухнула на противника, потом еще раз, и еще. Мощь ониров, подкрепленная собственной яростью, не давала иссякнуть силам.

Эйсон уклонялся и нападал сам. Но в его движениях больше не было снисходительной самоуверенности высшего существа. Он сражался с отчаянием и гневом, почти не обращая внимания на кровь, выступающую на его теле от ран, нанесенных мной.

Стало светлее, я мельком увидел, как Мгла, подступившая к краю города, начала бледнеть, в ней наметились контуры каких-то зданий. Маяки больше не висели в пустоте, вокруг них робко зазеленели полянки чахлой травы – и тонкие тропинки тянулись к площади. Краем глаза я заметил новую вспышку, затем еще одну. Я уже не считал их.

Возница тяжело дышал, я смотрел, как часто и неровно вздымается его грудь под складками балахона, рука с кнутовищем дрожит.

Ночная темнота рассеивалась. Вставало солнце, заливая

все вокруг радостным утренним светом. Лужи испарялись с мостовой, поднимаясь в воздух легчайшими облаками пара. Жуки-фонарики уползали или падали мертвыми на землю, рассыпаясь черной трухой. Послышался мерный шум ветра, выдувающий из узких улиц застоявшийся кошмар.

И не могло быть ничего прекраснее подобных изменений. Но еще ни разу я не мог насладиться ими в полной мере, занятый очередным боем, погоней или спасением. Сражаясь за чужую или собственную жизнь.

Только Эйсон все еще цеплялся за остатки тьмы своего больного разума. Не замечая ничего происходящего.

Новая вспышка света озарила площадь. Мгла рассеялась. Я поймал конец кнута, наматывая его на предплечье, дернул на себя и вырвал из рук противника. Швырнул в сторону оружие, ставшее безопасным. Лента дыма обвилась вокруг человека, я стряхнул ее с рукояти и бросился к Эйсону.

Сбил с ног, опрокинул на землю, держа за горло. Откинул капюшон.

Бледное, истощенное лицо шестнадцатилетнего парня было совершенно обычным, если бы не глаза.

...Их не было.

Вернее, они оказались повернуты зрачком внутрь – наружу торчали оборванные нервы и стекловидное тело, залитое кровью.

– Теперь понятно, почему тебя окружают кошмары. Твое зрение вывернуто, причем в прямом смысле. Сейчас мы это

исправим. Но придется потерпеть, будет немного больно.

Я придавил его грудь коленом, одной рукой сдавил челюсть, не давая дергаться, другой осторожно подцепил край перевернутого глазного яблока.

Эйсон застонал, пытаясь высвободиться, забился, но я, не реагируя на его попытки вырваться, продолжил «операцию». То, что невыполнимо в реальности, вполне возможно в мире снов. Я возвращал ему способность нормально воспринимать окружающую действительность, какой бы фантастической она ни была сейчас.

Над моей согнутой спиной пролетело еще одно сияющее облако. Хэл зажгла последний жертвенник.

Я поддел и перевернул глаз, ставя его на место, затем сделал то же самое со вторым и отпустил парня. Эйсон согнулся, со стоном уткнувшись лицом в ладони. Замер так... потом выпрямился, моргая, словно только что очнулся после долгого кошмара – да, собственно, так и было, – и уставился на меня, сидящего рядом:

– Кто ты такой?

– Тебя дома ждут, – в моем голосе не было ни капли заботливого внимания терпеливого лечащего врача – рубец, тянувшийся через лицо, все еще болел, и сильно.

Он непонимающе сдвинул брови. Его глаза, такого же цвета, как у матери, потемнели. Огляделся с удивлением, провел ладонью по траве, стремительно прорастающей сквозь камни, прищурился, разглядывая двух коней, пасущихся непо-

далеку от красных жертвенников, на которых светились радостные золотые огни. Вдохнул воздух, прилетевший с лугов, протянувшихся до горизонта.

– Так лучше? – Я невольно улыбнулся, видя восторженное изумление на его просветлевшем лице с дорожками крови на щеках, затем протянул руку и прикоснулся указательным пальцем ко лбу Эйсона. – Просыпайся. Сейчас.

Его веки тут же опустились, морщина на лбу разгладилась, и он начал заваливаться на бок, прямо в высокую траву.

Мне всегда нравились эти мгновения – ощущаешь себя по меньшей мере повелителем снов, не менее могущественным, чем Морфей, и можешь с легкостью управлять людьми, так же как химерами и остальными жителями этого пространства.

Мир вокруг стал белым, как засвеченный фотоснимок, и разгорелся ярчайшей вспышкой Фосфора, несущего свет.

Я нехотя зажмурился, а когда открыл глаза, увидел над собой невысокий потолок с несколькими нитями паутины, блеклую полосу, пробивающуюся в щель между штор. В сжатом кулаке правой руки – пуговица, врезавшаяся в кожу, в запястье левой впивается полоска тонкого пластика. Шея затекла, все тело онемело. Я медленно повернул голову и увидел на соседней кровати спящую Хэл.

Едва мой взгляд коснулся ее лица, она открыла глаза. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, затем ученица спросила хрипло с глубочайшим недоверием:

– Все?

– Да.

Она пошевелилась, дернула рукой, связанной с моей, и принялась теревить браслет, пытаясь его расстегнуть. Я помог ей. Потом девушка перевернулась на бок, подтянула колени к подбородку.

– Как же я вымоталась. А ведь можно сказать, что мы просто спали и ничего не делали. Отдыхали себе три часа, смотрели интересное приключение. Отчего уставать?

– Кое-кто раньше так и говорил, – отозвался я, слыша в своем голосе замедленность и легкую апатию. – Зачем платить деньги тем, кто спокойно проводит время во сне.

– Угу, – Хэл ткнулась лбом в подушку. – Сами бы попробовали.

Ей не хотелось обсуждать произошедшее, не было желания узнавать, помогли мы Эйсону или все наши усилия напрасны. Откат – полное опустошение, равнодушие, едва ли не отвращение. Такое бывает, если, выпив маковой настойки, насладиться волшебными видениями, а затем погрузиться в отрезвляющую действительность. Плата за могущество и наслаждение магией сна. Это пройдет. Не сразу, правда.

– Тебе надо найти способ расслабления, чтобы отключаться от всего и пополнять затраченную энергию.

– Пойду чего-нибудь съем, – решила девушка, медленно выбираясь из кровати. – Есть хочу, даже голова кружится.

Пошатываясь и держась за стены, она побрела на кухню.

Я тоже встал, на ходу бросил пуговицу в пустую банку, стоящую на комод, и в отличие от ученицы направился в ванную. Поднял рычаг крана и повернул до упора.

Мой учитель после особенно тяжелой работы шел во двор, падал на спину среди зарослей сныти и лежал часами, тупо глядя на небо. И трогать его категорически запрещалось. Зимой, когда все было завалено сугробами, он опускался в сугроб на том же месте, правда, время релаксации значительно сокращалось. Осенью, во время дождей, просто стоял, подставив лицо холодным каплям.

Стоит ли говорить, что самая плодотворная работа была в теплое время года.

Ванна наполнилась. Я разделся и лег в обжигающую воду. Это был мой способ отключиться, через физические ощущения вернуться в нашу реальность из мира снов. Кожу закололи тысячи горячих игл, маленькое помещение наполнил пар. Легко было не думать, не вспоминать, не переживать заново очередное «приключение», необходимость проанализировать и учесть ошибки придет потом.

Я закрыл глаза всего лишь на минуту, а когда открыл их, увидел, что на бортике, рядом с моим коленом, опустив хвост в воду, сидит здоровая, серая, подвальная крыса. На ее морде застыло злорадное выражение, кривые желтые зубы скалились в широкой ухмылке, лапки умильно сложены на груди.

– Отдыхаем? – ехидно спросила она. – Расслабляемся по-

сле тяжких трудов? Кому на сей раз открытил голову?

– Что надо? – Мне стоило больших трудов сдержаться и не спихнуть тварь в кипяток.

Крыса захихикала:

– Сам знаешь. Тебя ждут. Так что давай пошевеливайся.

Она шустро пробежала по ванне, спрыгнула на пол и юркнула в щель между косяком и дверью.

Можно не сомневаться, что меня не оставят в покое. Как только я начал активно действовать в мире снов, тут же появились наблюдатели. Нет, с моей стороны возражений не было. Я понимал, чем вызвана эта осторожность, а в прежние времена даже, наоборот, желал контроля. Но я терпеть не мог эту крысу, так же как и она меня.

Я шумно выдохнул и поднялся из воды, не спеша вытерся и стал одеваться. Если меня ожидали десятков лет, подождут еще полчаса, впрочем, в мире снов, куда я погрузился второй раз за сутки, решив всего лишь передохнуть немного, времени не существовало.

В коридоре было холодно, сквозняк дул изо всех щелей, в комнате на втором этаже скрипели полы, словно там устроили пляску десятков сновидящих в компании с полусотней кошмаров. На улице бушевал сильный ветер, раскачивающий ветви деревьев.

Крыса сидела на тропинке. Увидев меня, развернулась и устремилась к воротам. Я шагал следом, борясь с искушением наступить на длинный, голый, розовый хвост.

За калиткой начиналась дорога, выложенная широкими мраморными плитами. Вокруг до самого горизонта простирались безбрежные поля, поросшие маками – цветами Гипноса. По алому морю пробегали быстрые волны. Сладкие ароматы цветов и теплого камня плавали в воздухе.

Впереди виднелся полукруг одеона, залитый солнцем. Каменные ряды поднимались над площадкой. На них падали тени от легкой колоннады, возведенной на самом верху, и разбивали амфитеатр на секторы.

Самое важное место в этом мире для всех сновидящих. Только для кого-то оно было средоточием радости, отдыха или триумфа, а для кого-то – судилищем чернее самой черной Мглы.

Крыса шустро вскарабкалась на ступени, уселась там, нагло уставилась на меня и заявила:

– Ты должен явиться в Пятиглав.

Прекрасно.

– И ты притащил меня сюда только для того, чтобы сообщить это?

– Чтобы ты не говорил потом, будто не получал извещения, ничего не знал, к тебе никто не приходил и ты никого не видел. А здесь все события зафиксированы! Не сможешь отвертеться.

Крыса подняла морду, глядя на небо, словно оттуда за ней наблюдал сам Икел, сын Гипноса, принимающий облик животных, и записывал на невидимых свитках все сказанное.

– Сообщение принято. – Я развернулся и пошел обратно по белой дороге, тянущейся сквозь маковое поле.

– Ты должен явиться как можно скорее! – завопил мне вслед живой талисман одного из моих надзирателей. – В городской центр! Тебя дожидаются! Сегодня!

– Я понял.

Дорога впереди размылась, превращаясь в белое облако. Я шагнул в него, проваливаясь в безмолвие и мягкую, обволакивающую дымку...

– Эй, Мэтт! Мэтт... Ты там не утонул?

Я открыл глаза. Ванная комната была заполнена паром, и вода все еще оставалась горячей. Зеркало на противоположной стене затуманилось, но в нем было можно различить приоткрытую дверь и лицо Хэл, заглядывающей ко мне.

– Надолго я отключился?

– Часа на два. Я тебе горячую воду подливала, чтобы ты не замерз.

– Весьма тебе благодарен за это. Мой учитель не был столь лоялен. Однажды ему надоело следить за тем, чтобы я не захлебнулся, и он не поленился набрать лягушек у реки и высыпать дюжину в остывшую ванну, пока я там лежал. Я проснулся в пруду.

– Оригинальное у него было чувство юмора, – рассмеялась Хэл, – ладно, вылезай давай.

Она захлопнула дверь, отрезав поток холодного воздуха из коридора. Я поднялся и во второй раз за последние два

часа принялся одеваться.

Вышел и едва не натолкнулся на раскладную лестницу, стоящую посреди коридора.

– Как я и говорил, проводка никуда не годится, – раздался сверху веселый знакомый голос.

Я вскинул голову. На ступеньке стоял Саймон в рабочем комбинезоне и запаивал провода в герметичный короб.

– Я вам под домашним алтарем таймер поставил. Огонь будет утром и вечером сам зажигаться.

Отвлекаясь от работы, он посмотрел на меня, и я увидел в его светлых глазах бешеную радость и безграничную благодарность.

Я молча кивнул в ответ. Мы прекрасно поняли друг друга. Наши с Хэл усилия были не напрасны. Его сын пришел в себя, и отец честно выполнял обещание.

– Похоже, у нас получилось, – тихо сказала ученица.

Понаблюдав пару минут за электриком, она направилась на кухню. Я пошел следом за ней. На столе лежала дешевая тетрадь и несколько пластиковых ручек.

– Вот, решила записать все, что произошло сегодня, – сказала девушка, заметив мой взгляд. – Пока ничего не забыла.

– Молодец. Это отличная идея.

Хэл подозрительно покосилась на меня.

– Ты не хвалил меня за помощь в лечении Эйсона, а сейчас вдруг так расщедрился. С чего бы?

– Это очень важная часть работы сновидящего. Нужно

разбирать свои ошибки и достижения, делать выводы, отмечать значимые детали. Мой учитель не мог заставить меня вести дневник. А ты делаешь это сама и с видимым желанием. Для меня это удивительно.

— Ну... — довольная Хэл пожала плечами. — Я всегда любила занимательные истории и рисовать тоже. Сейчас накопилось много впечатлений...

— Тогда у меня есть кое-что для тебя.

Я направился в гостиную. Аккуратно обойдя работающего Саймона, заинтригованная Хэл устремилась следом. Нижний заедающий ящик буфета как всегда выдвинулся с трудом и громким скрипом. Феликс шутил, что, если настанет тот счастливый миг, когда я наконец заинтересуюсь содержимым этого отсека, он услышит и возблагодарит богов. Я просунул обе руки в темное, пыльное нутро шкафа и вытащил объемный чемодан из красного дерева. Под любопытным взглядом Хэл отнес его к столу и открыл крышку. Девушка затаила дыхание, увидев, что хранилось под ней.

На бархатной подложке лежали наборы цветных карандашей на водной основе, пастель, сангина, художественный уголь, баночки туши, гуаши, коробка масляных красок, кисти, плакатные перья, набор стилосов, несколько альбомов, стопка листов для акварели... все, что могло заинтересовать начинающего художника. А еще толстый блокнот с золотым обрезом, в обложке из коричневой тисненой кожи. Я с удовольствием вдохнул почти забытый запах краски и дорогой

бумаги, развернул чемодан к девушке.

– Откуда у тебя такое богатство? – восхитилась Хэл, прикасаясь кончиками пальцев к разноцветным баночкам.

– Учитель подарил. Надеялся, что я увлекусь снотворчеством. Но я не увлекся. А тебе пригодится... и будет чем заняться в мое отсутствие.

Она тут же повернулась ко мне, забыв о подарке. Довольное выражение на ее лице сменилось недоумевающим.

– Ты куда-то собрался?

– Мне надо уехать. Ненадолго. В Полис.

– Ты же только что оттуда?

– Я вернусь сегодня же.

– Но зачем тебе туда?

– Получил приглашение от руководства. Нужно обсудить кое-какие вопросы, накопившиеся за время моего долгого отсутствия.

– Ясно. – Она бережно опустила крышку художественного чемоданчика. – Зацепили через сон, пока ты отмокал в ванне.

– Не совсем корректная формулировка, но суть верна.

– Это из-за меня? – Хэл нахмурилась, постукивая кончиками пальцев по крышке. – Может, мне надо поехать с тобой?

– Не в этот раз.

Она продолжала смотреть недоверчиво, но спрашивать больше ни о чем не стала.

– Ну хорошо. Тогда удачи тебе.

– У сновидящих принято говорить на прощание – «Хранит тебя Эргия», – улыбнулся я в ответ. – Это богиня...

– Которая охраняет сон Гипноса, знаю. – Хэл подхватила мой, то есть теперь уже свой, чемодан. – Ладно, отправляйся скорее. Раньше выедешь, раньше вернешься.

Глава 2

Пятиглав

За прозрачными окнами стремительно проносились пейзажи пригородов Полиса. «Нот» мчался на скорости триста километров в час, мимо лугов, начавших терять летнюю свежесть, белых мраморных вилл и небольших рощ, сливающихся в темно-зеленые кудрявые полосы. Время от времени экспресс влетал в тоннели, проложенные под жилыми районами, и затем вырывался на поверхность. Шел он мягко и очень тихо, лишь иногда кренясь на поворотах.

Почти все места в вагоне были заняты молодыми людьми и девушками. Судя по обилию шарфов, значков, фибул и маек одного цвета – синего, – а также воинственным выкрикам, я попал в толпу болельщиков, спешащих на состязание борцов. Вокруг звучал смех и разговоры на пределе громкости:

– Да они все время в верхней стойке провели!

– Я говорил, у него захват шеи был больше пяти секунд.

– Не был!

– Нет, был, я с секундомером сидел!

– А когда Линос перевод нырком с захватом сделал, я думал, у его противника голова отвалится.

По их крепким, мускулистым фигурам, лицам, пышущим здоровьем, и уверенным, энергичным движениям легко бы-

ло понять, что все они не просто проводят время в залах, наблюдая за состязаниями, но и сами занимаются спортом.

Рассеянно слушая разноголосый хор, я пытался читать газету, оставленную в сетке переднего кресла.

В Полисе открывали новую линию сверхскоростной магистрали Гиперпетли, которая должна была связать наш город и Колоннос – еще один огромный мегаполис на западе материка. Раньше до него ходил только экспресс «Киркий» и ехать приходилось сутки. Еще можно было добраться на аэробусе. Но теперь расстояние «сокращалось», что радовало...

Рядом со мной на сиденье плюхнулся парень с банкой «Крови Минотавра». У него были растрепанные каштановые вихры, расстегнутая на груди синяя рубашка и штук десять амулетов и медальонов, свисающих с шеи на цепочках разной длины. На художественно порванных джинсах также нашито несколько металлических символов. Он отхлебнул энергетика, поморщился, искоса с любопытством глянул на меня, вернее, на мои седые волосы, странновато сочетающиеся с молодым лицом.

– Долгая ночь? – спросил я доброжелательно.

– Абсолютно, – выдохнул он с ноткой гордости. – Ты тоже едешь на бой полуфинала?

В прежние времена я бы непременно оказался на подобном состязании. Феликс редко пропускал бои. Кроме того что он азартно делал ставки, бывало, находил прямо в зале,

а то и в раздевалке, среди спортсменов, неплохих клиентов.

– Нет, я не еду на полуфинал, к сожалению.

– Нет подходящей компании? – В темных глазах парня засветилось искреннее сочувствие.

– Хочешь пойти с нами? – Из-за переднего кресла вынырнула симпатичная девушка с длинными светлыми распущенными волосами, в синей обтягивающей кофточке с множеством блестящих пуговиц. Мой взгляд невольно остановился на этих ярких, поблескивающих кружочках.

– Спасибо. Но меня ждут в другом месте.

– Не повезло, – философски изрек сосед с энергетиком. – Ну, может, успеешь попасть хотя бы на заключительный поединок.

Из-за кресла, стоящего напротив моего, появилась вторая девушка – шатенка с высоким «хвостом» каштановых волос. Ее лицо с удлинненными зеленоватыми глазами напомнило мне изображения на старинных мозаиках острова Крит. Танцующие нимфы. Моя соседка казалась одной из них.

– А вы слышали, что произошло на отборочных? – спросила она, мельком улыбнувшись мне. – Я сегодня узнала от Кратоса.

– Нет, а в чем дело? – тут же оживился мой сосед.

– У Креона были все шансы на победу. Ему пророчили титул чемпиона Полиса. А он не смог сражаться.

Теперь заинтересовался я.

– И что конкретно случилось?

– Он вдруг начал спотыкаться, падать, не смог нормально провести ни одного захвата. Его просто валяли по ковру, как щенка.

– Наверное, плохо себя почувствовал, – предположила ее белокурая соседка, вставая коленями на сиденье и положив локти на спинку.

– Видели бы вы его лицо. – К нам подошел высокий широкоплечий парень в синей куртке – похоже, тот самый Кратос, бывший на отборочных соревнованиях. Кивнул мне дружелюбно. Небрежно взялся за поручни двух кресел, чтобы не терять равновесие во время покачиваний вагона, несущегося на огромной скорости, и продолжил многозначительно: – Он сам не понимал, что с ним происходит. Пытался вести бой, но ни руки, ни ноги его не слушались.

– Что сказали медики? – спросил я, глядя на серьезного собеседника.

– Сейчас. – Девушка в кофточке с блестящими пуговицами исчезла за спинкой своего кресла и тут же появилась снова с планшетом в руках. Набрала в поиске вопрос и начала пролистывать открывающиеся новостные «окна», скользя взглядом по экрану.

– Пишут, что он абсолютно здоров. Провели полное обследование, но не нашли никаких причин для его странного состояния.

– Похоже на работу дэймоса, – произнес сидящий рядом со мной зловещим шепотом.

Рассмеялись все, кроме меня и Кратоса.

– Знаете, я бы не удивился, – произнес тот задумчиво, глядя в окно. – О них, конечно, уже никто ничего не слышал давным-давно. И считается, что они исчезли, остались в далеком прошлом, как, например, и многие болезни, от которых раньше люди погибали. Но все же... Это было очень похоже.

– Это сказка, миф, – весело улыбнулась «нимфа». – Просто очеловечивание ночных страхов.

Да. Для обычных людей дэймосы теперь стали чем-то вроде сказки. Все знали, что когда-то они существовали, но затем пропали, растворились в мире снов и больше никогда не появятся. В современности о них остались лишь смутные слухи и легенды. Не слишком умные родители пугали ими непослушных детей, а подростки иногда, прячась в темной комнате, вызывали Черного Дэймоса, замирая от восторженного ужаса, но в принципе не веря, что оживший кошмар появится...

Зато о создателях кошмаров были прекрасно осведомлены в особых кругах, к которым я мог считать себя имеющим отношение.

– Ну да, ты права. – Кратос отбросил сомнения. – Похоже, главному сопернику Креона повезло. Титул чемпиона теперь ему гарантирован.

– Где будут проходить соревнования? – спросил я у зеленоглазой девушки.

– Решился все-таки? – Она сунула руку в карман и вытащила листок программки. – Новый стадион. Начало в девять.

– Мы в пятом секторе, – подхватил мой сосед. – Ну, ты нас увидишь. – И потянул себя за воротник кобальтовой рубашки.

«Нот» начал сбрасывать скорость. Из динамиков полился мелодичный женский голос, предупреждающий о приближении конечной остановки.

Молодые люди стали стягиваться к выходу, разбирая вещи, обмениваясь шутками и перебрасывая друг другу синие флажки.

За окном выросли многоуровневые здания центрального Полиса. Устремленные ввысь, они напоминали туго закрученные спирали белых морских раковин. Их основания утопали в зеленом прибое парков. Но долго рассматривать это великолепие не пришлось. «Нот» нырнул под грот вокзала, и высокая серебристая крыша заслонила окружающие пейзажи.

Следом за своими недолгими попутчиками я вышел на платформу, мы тепло попрощались и разошлись – они в одну сторону, я в другую.

Шум прибывающих поездов заглушал щебет птиц из динамиков, установленных на станции. К запахам вокзала, которые было невозможно спутать ни с чем – холодная сталь рельс, синтетическое машинное масло, острая свежесть озона – примешивались ароматы жареных каштанов. Разно-

цветные передвижные палатки, где они продавались, стояли на каждом углу, а девушки и молодые люди в форменных кепках и фартуках весело предлагали всем желающим отведать древесные орехи нового урожая.

Пестрая толпа, единым потоком движущаяся по платформе, начала разбиваться на отдельные ручьи – часть устремились во входы подземки, расположенные уровнем ниже, другие – вверх по лестницам в здание вокзала. И мне снова было приятно ощущать себя одним из жителей Полиса, спешащих по своим делам. Чем больше я проводил времени в мире снов, тем с большей жадностью вглядывался в каждый штрих реальности, запоминая, анализируя, оценивая. Наслаждаясь звуками, запахами, яркими мгновениями. Все это было моим рабочим материалом, из которого впоследствии я создавал свои нематериальные живые картины. Надо будет рассказать Хэл об этой неисчерпаемой кладовой, откуда можно брать готовые сюжеты...

Я любил этот вокзал. За несуетливую стремительность, огромные залы, наполненные воздухом и светом, широкие лестницы, уютные уголки с клумбами и мраморными статуями, воздушный сад на четвертом этаже и небольшой открытый концертный зал на пятом, откуда сейчас по всему безграничному пространству холлов разносилась мощная дробь барабанов, слегка приглушенная расстоянием. И, кроме того, в кофейне на первом этаже варили лучший кофе из всех, что мне приходилось пробовать. Обычно я всегда останав-

ливался там, но сегодня с сожалением нарушил приятный ритуал.

Мимо промаршировала колонна весело щебечущих младших школьников в желтых шапочках и с совершенно одинаковыми канареечными рюкзачками за плечами, которые делали их похожими на цыплят. Юных воспитанников сопровождали две наставницы. Одна помоложе, другая старше. За девушками тянулся свежий аромат духов. Малышня благоухала теплым плюшем и мятной жевательной резинкой.

Я не стал обгонять их, неторопливо следуя за этой компанией. Судя по разговорам, они шли в музей античного искусства. Место, где я тоже любил бывать в детстве.

Под ноги попался короткий желтый шарф. Он сиротливо лежал на полированном черном граните. Я наклонился, поднимая его, и тут же столкнулся с присматривавшей за детьми девушкой.

– Опять потеряли! – воскликнула она, забирая у меня добычу. Достала из кармана бледно-розового пальто полосатый красный леденец на палочке и оставила у меня в руке вместо шарфа. Развернулась и поспешила догонять воспитанников.

Сколько вокруг было мелочей, неважных для окружающих и чрезвычайно ценных для такого, как я, – потерянные перчатки, носовые платки, забытые заколки, очки, футляры от телефонов, мелочь, выпавшая из карманов, книги... «Поле для невидимой охоты», – любил говорить Феликс.

Я поднялся на два этажа и вышел на платформу городско-

го беспилотного поезда. Он уже стоял у перрона, и я поспешил занять место в первом вагоне. Здесь не было машиниста и соответственно не было кабины, закрывающей обзор. Сиденья изгибались перед полукруглым окном.

Двери мягко закрылись, нежный голос из динамика объявил следующую остановку, «Центр сновидений», и состав тронулся. Вырвался из сумрака вокзала и понесся, наращивая скорость, по рельсам, проложенным на втором уровне улицы.

Теперь можно было рассматривать Полис без помех.

Высокий мост, по которому ехал мой поезд, изгибался на уровне пятых этажей высотных домов. Зеркальные стекла отражали солнечный свет, и казалось, будто меня преследуют сразу десятки солнечных дисков.

Величественно проплыло шестидесятиуровневое здание корпорации «Зевс», похожее на гигантский мраморный конус или гору, возвышающуюся над городом. Его было видно издалека. Днем оно сияло полированным мрамором колонн и тремя золотыми молниями на крыше. В темное время суток фасад озаряла яркая подсветка.

На всех уровнях города зеленели деревья, растущие на террасах парков. Они казались висящими в воздухе, как изумрудные облака.

На переднее сиденье рядом со мной опустилась пожилая дама в компании упитанного белого лохматого пса неизвестной породы. Он скромно устроился на полу и многозначи-

тельно поглядывал на меня из-за тяжелого занавеса ее юбки. Казалось, еще немного, и он заговорит, впрочем, это меня бы не удивило.

– Простите, молодой человек, вы на остров? – с достоинством осведомилась дама, величаво поворачивая в мою сторону голову с замысловатым узлом прически.

В реальном мире давно никто не боялся заговаривать с незнакомцами на улицах, в любое время дня и ночи приглашать в свои компании или идти в чужие – можно было не страшиться остаться одному, ни в праздники, ни в будни.

– Да, на остров.

– Хочу предупредить, – произнесла она многозначительно, – сегодня там будет очень много народу. День, когда многие процедуры со скидками. Можете не попасть.

– Благодарю за предупреждение, но я рискну.

Тот самый остров, место, куда меня вызвали столь поспешно и строго, находилось в паре километров от города. Мост, соединяющий его с берегом, длинной серебряной стрелой летел над заливом. Мощные тросы его арок натягивались стальными струнами. Штормило, как всегда осенью, и редкие проблески солнца играли на волнах, бьющихся о мраморную набережную.

– Вы тоже в центр? – спросил я попутчицу.

– Не сегодня, – улыбнулась она царственно. – Но я бываю там. Процедура омоложения однократна, мне ее уже не повторить, так что приходится ездить на косметологические

сеансы. Впрочем, вы еще слишком молоды, чтобы думать об этом.

Я улыбнулся в ответ. Мой возраст был не меньше, чем у нее. Феликс настоял, чтобы я оплатил из наших с ним немалых доходов генную модификацию. Три курса за один раз. Трижды по сорок. У меня в запасе было сто двадцать лет молодости. У моего учителя двести. Только они ему негодились.

Поезд остановился на первой станции острова. Я поднялся, дама попрощалась со мной элегантно наклонив голову и вновь устремила взгляд на пейзаж за панорамным стеклом. Ее пес проводил меня выразительной ухмылкой во всю морду.

Двери, реагирующие на движение, закрылись, и автоматический поезд умчался дальше. На платформе кроме меня остались еще несколько человек. Похоже, они были здесь в первый раз – ежась от порывов ветра, проносающегося над морем, все поспешили к стеклянным щитам, ограждающим станцию, чтобы полюбоваться на залив, широким кольцом врезающийся в землю, и сделать несколько снимков на его фоне.

Проигнорировав лифт, я пошел к лестнице, ведущей на нижний уровень.

Все пространство острова занимал огромный оздоровительный центр. Белые здания, окруженные рощами и озерами, полоса пляжей с желтым песком, два небольших стади-

она. За то время, что меня здесь не было, ничего особо не переменилось. Мостик в вечность, каким всегда представлялось мне это место, не мог изменить какой-то жалкий десяток лет.

Огромный общий холл центрального корпуса, с массивными колоннами и зеркальным полом, в первое мгновение ошеломлял неподготовленного посетителя. Статуи Акесо – исцелительницы, Амина – отвратителя болезней, врачевателя Ятра, прекрасной воительницы Панакеи, Эпионы – облегчающей боль, и Гигеи – богини здоровья, кормящей змею из чаши, стояли в арках второго яруса, и лучи осеннего солнца окружали их золотыми ореолами.

Оздоровительный центр был построен на месте древнейших терм Полиса, возведенных еще Веспасианом. Вернее, древнейшие термы бережно отреставрировали, сохранив монументальную величественность и усовершенствовав систему подачи, сброса и очистки воды.

Очередь, несмотря на предупреждение дамы с собакой, оказалась совсем небольшой. Несколько мужчин в возрасте солидно обсуждали у стойки понижение цен на автомобили марки «титан», три молодые женщины пролистывали каталог в роскошном золотом переплете с услугами центра, с веселым визгом носились дети, как по льду катаясь по мраморным полам. Один из мальчишек, самый маленький, врезался в меня с разгона, словно в дерево. Удержал равновесие, поднял голову с недоумением, посмотрел на препятствие,

возникшее на дороге, уставился в мое лицо и нахмурился, будто пытаясь вспомнить что-то давно забытое. А затем его светлые брови начали приподниматься, бледно-голубые глаза распахнулись испуганно, рот округлился, и, завопив от ужаса, мальчишка бросился прочь.

– Опять детей пугаешь? – прозвучал у меня за спиной знакомый насмешливый голос, искрящийся радостью.

Я стремительно обернулся и увидел мужчину в одежде сновидящего центра. Выше меня на полголовы, с русыми, кое-как приглаженными космами, широченными плечами и открытым веселым лицом, он напоминал доброжелательного тигра, сыто следящего за беззаботно играющими вокруг ланями. Его золотистый хитон до колен и короткий белый плащ – хламис – своим цветом и продольными тенями от глубоких складок еще больше усиливал сходство с этим хищником.

– Здравствуй, Гелен. Давно не виделись.

Эпиос сжал мою ладонь так, что хрустнули кости, и встряхнул как следует, не заботясь о сохранности суставов.

– Тебя где носило столько лет?

– Неужели здесь по мне скучали?

Он рассмеялся так, что все стоящие в очереди с интересом оглянулись, рассматривая целителя, запанибратски беседующего с посетителем.

– Не так чтобы очень, но закончились примеры «как-нельзя-делать-еще» на материале твоих подвигов.

Кто бы мог предположить, что мое недолгое пребывание здесь – один раз в неделю, с восьмью до пяти – оставит такой след в истории центра.

– У тебя появились воспитанники?

– Двое. – Он гордо выпятил грудь, на которой сверкала фибула с двумя белыми камешками. – Зайдешь ко мне в класс? Покажу тебя народу. Ты, кстати, здесь зачем? Мимо проходил или решил вернуться? – В его голосе звучала явная надежда.

– Наши боги вызвали. Засекли мой выход в сон.

– Так ты опять начал работать?! – Восторг в его взгляде сменился некой легкой задумчивостью.

Все же мое пребывание среди сновидящих приносило им больше хлопот, чем пользы, хотя работал я хорошо. Нареканий не было. Но служил для большинства чем-то вроде учебного пособия. Одно время в мой мир сновидений водили как на экскурсию, пока мне это не надоело.

– Похоже на то.

– И с кем ты взаимодействовал? – осторожно спросил Гелен, не сумев скрыть настороженности.

– Парень, прибывший из вашего центра. Эйсон. Расщепление рассудка, кома.

– Помню такого. – Эпиос сложил руки на широкой груди, насупил. – Тяжелый случай. С ним работала Хлоя. Ну, и как успехи?

– Пришел в себя.

Он снова рассмеялся, на этот раз с заметным облегчением.

– Кто бы сомневался. Это же по твоей части. Чем безумнее, тем лучше. А как ты... – Он запнулся и усилием воли остановил вопросы, хотя видно было, ему очень хотелось еще поговорить со мной на профессиональные темы. – Ладно, тебе надо идти. – Он поспешно освободил мне дорогу. – Не буду тебя задерживать, но потом зайди ко мне обязательно. Забудешь, явлюсь через сон, и вот тогда тебе мало не покажется.

Я бы тоже с большим удовольствием побеседовал с коллегой-целителем, но задерживаться не стоило.

– Ладно, Гелн. Увидимся.

Улыбающаяся девушка у широкой полированной стойки выдала мне электронный браслет с магнитным ключом и пожелала приятно провести время.

Я пересек просторный холл и оказался в следующем помещении. Еще одна ротонда, стены которой были покрыты мозаикой. Здесь стояли длинные полукруглые столы с разложенными на них льняными хитонами для посетителей. Любых размеров и цветов, с широкими поясами разных расцветок. Я выбрал синий, невольно вспомнив компанию молодых людей из экспреса, и пошел направо, в сторону раздевалок.

Здесь уже начало веять теплом от горячих источников и легким ароматом успокаивающего сандала. Я нашел свой шкаф под номером три тысячи пятьдесят первый. В преж-

ние времена термы могли обслужить примерно три тысячи человек, сейчас количество отдыхающих на острове увеличилось до семи тысяч.

Я наклонился, снимая ботинки, и в тот же миг дверца соседней секции, разрисованная ветвями лавра, внезапно распахнулась. От удара по голове меня спасла только хорошая реакция.

– О, прошу прощения, – из-за деревянной створки вынырнула полуодетая девушка, – я тебя не ушибла?

Лазоревый хитон сползал с ее плеча, покрытого ровным загаром, и распахивался на длинном, гладком бедре. В ее широко расставленных серых с золотистыми крапинками глазах дрожал смех.

– Нет, – улыбнулся я в ответ, убирая обувь на нижнюю полку шкафа. – Но даже если бы задела, затылок у меня крепкий.

Она рассмеялась и принялась туже затягивать свои легкие одежды.

Мимо к соседней стойке прошла компания молодых мужчин и женщин, покидающих центр. Он излучали свежий запах мяты, разгоряченных тел и розового масла.

– И сегодня я получаю от него сообщение, – громко рассказывал темноволосый юноша с фигурой легкоатлета, стягивая влажный хитон. – «Я не умею петь, не играю ни на одном инструменте, ничего не знаю о теории гармонии, в ближайшее время не планирую начать учиться музыке и стихо-

сложению, но все равно считаю себя служителем музыки – Эвтерпы».

Его слушатели дружно рассмеялись. А женщина, открывающая соседний с ним шкафчик, откинула со лба влажные кудрявые пряди красивого золотистого оттенка и произнесла с невозмутимой серьезностью:

– Во мне шестьдесят килограмм, полное отсутствие пластики, музыкального слуха, и на шпагат опущусь, только если мне на плечи сядут два атлета. Можно я буду считать себя танцовщицей?

Новый взрыв смеха прозвучал в ответ. Она подала проходящему мимо мужчине из их же компании свой хитон, поблагодарила его кивком и заметила мой оценивающий взгляд, скользящий по ее фигуре с длинными сильными ногами и высокой грудью. Мимолетно улыбнулась и вновь повернулась к своим собеседникам.

А я опять подумал, как же люблю реальный мир. Он не мог надоесть в своем бесконечном разнообразии встреч, разговоров, взглядов, запахов и звуков.

Я переоделся, закрыл шкафчик и вышел в общий зал. Тот представлял собой реконструкцию форума прошлого тысячелетия, с высокими потолками, колоннами и портиками. Мраморные полы подогревались, чтобы по ним легко можно было ходить босиком в любое время года.

Разноцветные хитоны довольных горожан мелькали в кафе, выстроенных в виде открытых беседок, увитых живыми

цветами. Девушки в коротких розовых туниках, открывающих бедра до середины, сами похожие на нимф, фотографировались на фоне танцующих над источником наяд. Поймав мой заинтересованный взгляд, они тут же попросили меня сделать пару снимков, вручив крошечную камеру, что я и выполнил с большим удовольствием, получив в качестве благодарности веселый смех.

Еще несколько молодых людей в облегающих экзомисах – хитонах, сложенных складкой на одном плече, участвовали в любимом состязании древности – стрельбе из лука. Я бы с удовольствием присоединился к ним. Каменная стела с именами победителей, набравшими больше всего очков, возвышалась на зеленой лужайке – и мое имя все еще стояло среди них.

Несколько женщин сидели на скамьях у фонтана и обсуждали недавний массаж.

Слышались звуки флейты сиринги – символа идиллии и безмятежной радости. Глухие удары стрел о мишень и радостные или огорченные восклицания стрелков. Негромкое журчание разговоров, к которым я всегда с удовольствием прислушивался.

– ...Пропускная способность визуального канала человека около шестидесяти терабит в секунду, при этом обрабатывать видеопоток он может со скоростью меньше десяти мегабит, – зазвучал рядом довольный, звучный голос, полный самоиронии. – То есть мы можем обработать всего

одну шестнадцатимиллионную часть того, что видим. Это 0,000000016 процента от того, что мы могли бы видеть. Теперь представьте себе состояние человека, который всю свою сознательную жизнь обрабатывает и воспринимает целых десять процентов от общего потока? Вы можете себе это вообразить?!

Я невольно заинтересовался, что действительно мог бы ощущать подобный человек, когда на него обрушится такой огромный поток разнообразной информации – в тысячи раз больше цветов, света, форм и связанных с ними тактильных ощущений, – и оглянулся.

В сторону бассейнов с горячими источниками, пройдя мимо меня, направлялась компания из трех человек. Впереди шел молодой мужчина с решительным, волевым лицом, в полушаге позади, легко положив руку ему на плечо, следовал другой – его широко открытые, неподвижные глаза были слепы, по загорелому лицу блуждала беззаботная улыбка, мокрые волосы липли ко лбу. Это он рассуждал о скорости восприятия информации.

– И что, такие разработки действительно ведутся? – спросил у него шагающий рядом светловолосый юноша.

– Да. И уже есть результаты первых экспериментов.

Слепец улыбнулся, поворачивая лицо в сторону собеседника, и тот кивнул одобрительно, словно забыв, что беседует с незрячим. Они прошли мимо, и я с сожалением подумал, что стоять и наблюдать за людьми больше у меня не осталось

времени.

Быстро миновав форум, я вышел в один из просторных внутренних дворики. Здесь среди деревьев тек, причудливо изгибаясь, ручей с горячей водой. Вдоль его рукотворного русла были уложены камни разной формы – под разными углами и с разным расстоянием между ними. Идеальный тренажер для массажа ступней и тренировки равновесия. Десяток подростков в коротких туниках брели сейчас по нему, хохоча, размахивая руками, чтобы не упасть на неровностях, и цепляясь друг за друга. Облака ароматного пара витали в прохладном воздухе.

В стороне, под навесом, закапывали в целебный теплый песок всех желающих.

Я пересек двор по переброшенным над водным потоком мостикам, приблизился к белому зданию, спрятанному за деревьями, открыл неприметную дверку и оказался в длинном коридоре. Он вывел меня к широкой арке, за которой виднелась «арена» небольшого амфитеатра. Ощутив себя древним воином, выходящим на арену битвы, я направился туда, где изгибались зрительские ряды. Это место чем-то напоминало одеон в мире сновидений, где я побывал недавно, и было создано для той же цели – сбора Пятиглава.

Двадцать пять каменных ступеней из серого песчаника поднимались широкими кругами надо мной.

На ступенях виднелись фигуры, сидящие в непринужденно-расслабленных позах. Две женщины, трое мужчин. Пяти-

глав в полном составе. Есть от чего насторожиться. Хотя я прекрасно знал, зачем меня вызвали.

Я остановился в центре полукруглой сцены, готовый выслушивать наставления мастеров сна.

Девушка, сидящая на самом первом ряду в центре, поднялась и легкой летящей походкой направилась ко мне. Ее белоснежный хитон мягко сверкал на солнце не хуже самого дорогого мрамора, длинные волосы шелковисто блестели.

Она подошла, сияя нежной улыбкой, положила ладони мне на плечи, поцеловала в щеку.

– Здравствуй, Аметил. Как давно тебя не было среди нас.

– Рад тебя видеть, Клио.

– Как твои дела? – Ее светло-зеленые глаза были наполнены участием, искренним вниманием. Конечно, она знала, как обстоят мои дела, но не могла не поинтересоваться.

– Прекрасно.

Теплые ладони соскользнули с моих плеч. Аонида с именем божественной покровительницы истории еще раз улыбнулась, пожала мою руку и вернулась на свое место.

Больше никто не спешил столь тепло приветствовать меня. Несколько сдержанных кивков, настороженные взгляды. Это все, чего я удостоился.

– Ты вновь вошел в мир снов. – Сидящая на втором ряду, выше Клио, смотрела на меня с неодобрением и даже, пожалуй, легкой неприязнью.

Я ей не нравился. Никогда. С самого первого дня знаком-

ства. Но это было неприятие с одной стороны. Мне всегда доставляло огромное удовольствие любоваться ею и говорить с ней, даже если в мой адрес звучали сухие, как осенняя трава, колючие фразы и взгляды обдавали холодом, словно дуновения пронизывающего Киркия – северо-западного ветра.

Харита. Олицетворение изящества, привлекательности, радости жизни. Ее имя Талия, означающее «цветущая», говорило само за себя. Невысокая, тонкая, изысканная девушка. Безупречная. Лицо изумительной красоты, озаренное янтарными глазами. К ней, как ни к кому из других женщин-сновидящих, подходило прозвище прекрасных богинь – Эосфор – зареносная. Нежно-рыжая, с мраморно-розовой кожей и короткой стрижкой, подчеркивающей красоту беззащитной шеи.

Хотел бы я, чтобы именно она как-нибудь создала мне пару утешительных или развлекающих видений. Но это было так же реально для меня, как силу поймав океаниду.

В первые дни знакомства меня одолевало недоумение – что делает создательница снов наслаждения в Пятиглаве? Сначала я решил, она всего лишь представляет орден харит и числится в совете номинально. Но затем очень быстро понял – эта прекрасная хрупкая девушка обладает поистине безграничным воображением, словно дарованным ей самим гением, Мойрагетом. И оно помогает ей находить ответы на самые парадоксальные вопросы, а также выдвигать огромное количество вероятностных версий, что сильно облегча-

ло работу Пятиглава по предупреждению и нейтрализации преступлений. Большой незашоренности сознания я в жизни не видел. Она могла дать фору любому дэймосу. Кроме того, она прекрасно разбиралась в психологии людей и сновидящих.

– Счастлив, что ты меня все еще помнишь, Талия.

Она лишь легко повела плечом и не ответила.

– Мы удивлены, – сказал мужчина, расположившийся на том же ряду, что и Клио. – Десять лет добровольного изгнания, и вдруг столь внезапное и активное появление. Нам уже стоит насторожиться?

Это сказал Геспер. Немолодой, сухощавый человек с коротко стриженными темными волосами, в которых поблескивала седина. Лицо очень запоминающееся – увидишь один раз, не забудешь. Черты его словно отполированы временем, как прибрежные камни прибоем или ствол дерева, подсушенный ветром. Заостренный нос, впалые щеки, резко выступающие скулы и подбородок. Глаза цвета разбитого бутылочного стекла – зеленоватые, прозрачные, ярко блестящие. И взгляд такой же, как острейший осколок, наткнешься на него и тут же порежешься.

В отличие от хариты, с этим у нас было абсолютное, полное, единодушное, взаимное отвращение.

– Протащил с собой необученную сновидящую, – начал перечислять мои прегрешения Геспер, – устраивал шоковую терапию пациенту... *Accidit in puncto, quod non contigit in*

аппо, – произнес он задумчиво и тут же перевел для общест-
венности: – В один миг случается то, на что не надеешься
и годами.

Он не изменился за те десять лет, что меня не было. За-
стыв на кромке прибоя и не замечая, что время продолжает
подтачивать его.

Великий целитель и выдающийся корректировщик снов.

Лучше него я не знал никого. Эйсона, на которого мы с
Хэленой потратили столько сил, он вылечил бы одним взгля-
дом или движением пальцев.

Но и способности эписоса являлись не самым главным до-
стоинством этого мастера. В Пятиглаве он исполнял роль на-
блюдателя за всеми создателями кошмаров. Давно перевос-
питанными, только становящимися на путь исправления и
уже почти забывшими о своей истинной сути. А его помощ-
ник, по-моему, обладал способностью раздваиваться и тро-
иться, перемещаясь сразу в несколько снов, контролируя и
докладывая Гесперу обо всем, что происходит с его подопеч-
ными.

– Аметил, – мягко произнесла Клио. – Девушка, с которой
ты был в нашем мире, кто она?

Все сидящие на одеоне заметно напряглись. Особенно те
двое, что смотрели на меня из тени колонны в пятом ряду.
В желто-зеленых глазах одного светилось гневное негодова-
ние и упрек. Вторая пара, бледно-серая, излучала сожаление.
Аякс и Герард. Мои друзья... во всяком случае, десять

лет назад они были ими. Сейчас у меня начали возникать сомнения. Непривычно оказалось видеть их здесь. Прежде это место занимал Андонис. Интересно, что с ним стало?

– Она дэймос? Это правда? – продолжала настаивать аониды.

Я посмотрел на последнего члена Пятиглава. Тайгер – самый старший из всех виденных мной сновидящих. Он постарел настолько, что процедура генной модификации уже не действовала на его физическую оболочку. Сначала части его тела, выходящие из строя, заменяли механическими протезами, искусственными органами, но в итоге и это перестало помогать, ткани одряхлели и стали разрушаться. Решено было дать ему полностью искусственную плоть. Мозг пришлось перенести в механический прототип, а личность скопировать на мощный флеш-носитель. Его организм был целиком биомеханическим – скелет, внутренние органы, мышцы, кожа, волосы... И он был совершенным, не нуждающимся в отдыхе, способным переносить колоссальные нагрузки. Мощные мускулы перекачивались под кожей, на которой не было ни одного дефекта. Гибкие суставы не травмировались и не стирались, какие бы тяжести ему ни приходилось поднимать. Мгновенная реакция, идеальное зрение, стойкость к холоду и жаре.

Всегда хотел получить такое же тело, после того как мое перестанет функционировать. Но это было абсолютно нереально. Даже ни один из глав нашего правительства не удо-

стоился подобной награды. Стоимость полной замены физической оболочки была запредельной. И лишь общенародное голосование решало, кто из современников достоин жить в веках. Искусственные тела были лишь у двух известнейших ученых, уже не один век занимающихся генной инженерией, созданием биологических организмов и искусственного интеллекта; одного величайшего скульптора-архитектора, посвятившего все время своей жизни созданию прототипа современного Полиса, а потом воплотившего этот прототип. И у Тайгера.

Его лицу придали черты героя древности – Тесея, победителя Минотавра. И в этом сходстве наблюдалась некая преемственность. Как воин прошлого убил человекобыка – олицетворение жестокости и дикого хаоса, так этот сновидящий убивал дэймосов. Таких, как он, в прошлом называли воинами сновидений. А сейчас проще – перековщиками. Их задача заключалась в том, чтобы искать, находить, преследовать и уничтожать дэймосов. Тех, кто не желал обузывать свой темный дар. В современности, правда, это задание усложнилось. Он перестал убивать сразу, а стал ломать, переделывать – «перековывать» – оступившихся сновидящих. Менял их сознание, отрезал от мира снов. И мне тоже пришлось пережить его воздействие. По счастью, минимальное. Но вспоминать об этом не хотелось.

Еще подобных Тайгеру величали оптимизаторами. Ведь они давали шанс дэймосам жить нормальной жизнью. Но, на

мой взгляд, в этом названии было легкое издевательство.

Я невозмутимо встретил оценивающий взор его густосиних глаз, который сейчас сканировал мое лицо, подмечая любую мелочь – подрагивание век, движение зрачка, задержку дыхания, все, что могло выдать мою ложь, и ответил:

– Да. Эта девушка – черная гурия.

– Твой антагонист, Талия, – не преминул уточнить Геспер.

Харита нахмурилась, и ее прекрасное лицо на миг стало замкнутым, холодным. Цель подобных ей вдохновителей не только в развлечении и даре наслаждения – они помогали человеку понять себя самого, раскрепощали, делали свободным, вызывали чистые, яркие чувства и давали силы. В отличие от черных гурий, которые запутывали, ввергали в отчаяние, причиняли болезненное, мутное, выматывающее удовольствие, лишаящее энергии. Доводящее до безумия и нередко самоубийств. Фактически те уничтожали все, что создавали хариты.

– Кошмары имеют удивительное свойство удваиваться и преумножаться, – саркастически продолжил Геспер. – Только развеешь один, как на его месте тут же возникает следующий.

Его слова звучали откровенной насмешкой. В мой адрес.

– Ты не можешь учить ее, – сурово произнесла Талия, и ее бархатный, глубокий голос неожиданно прозвучал гулким отзвуком звонкой меди, из которой было построено жилище богини молвы – всевидящей Фамы.

– Почему же нет? – спросил я пока еще мягко, хотя уже предчувствовал жестокое противостояние.

– Она должна контролировать свой дар. Очень строго. – По худому лицу Геспера пробежала легкая тень, словно от крыла пролетевшей мимо птицы. – Ты должен был представить ее Пятиглаву... мне. А не начинать заниматься обучением самостоятельно. Это безответственно и опасно. *Aditum nocendi perfido praestat fides*¹.

Я посмотрел на Герарда, не спешившего покидать уютную защиту тени. Пока я болтался где попало десять лет, он упорно работал. И вот уже занимает место своего учителя на совете. Неплохо. Я был искренне рад его возвышению. Вот только, похоже, вряд ли новый глас оракулов готов с радостью принимать мои поздравления.

– Понимаю. Вы боитесь, что, общаясь с создателем кошмаров, я возьмусь за старое? Вспомню прежние навыки?

Всеобщее молчание было мне ответом, а я вдруг почувствовал недопустимую злость.

– Я не спал десятилетие только для того, чтобы не навредить никому. Я перекроил себя и свой мир...

– Мы знаем, какую работу тебе пришлось провести над собой. – Клио подалась вперед, глядя на меня с неподдельным сочувствием. – Тебе и Герарду. – Она бросила взгляд на моего упорно молчащего друга. – Вы оба очень старались.

---

¹ Доверие, оказанное вероломному, дает ему возможность вредить (*лат.*). (Сенека)

Но... ты же понимаешь, рецидив может возникнуть в любой момент. А эта девочка потенциальный дэймос. Она может сорваться и...

– Я научу ее контролировать свою силу. Сдерживаться. Лечить и утешать, а не убивать и не тянуть силу.

– А кто будет сдерживать и контролировать тебя? – возразил Геспер.

– Мне это уже не нужно.

– Ты дэймос, Аметил, – проникновенно произнес наш мудрый, всевидящий, неусыпный аргус над создателями кошмаров. – Такой же, как и твой учитель. И навсегда им останешься. Мне бы не хотелось напоминать тебе об этом...

– Меня до скончания снов будут попрекать моим прошлым? – спросил я холодно.

Герард скрестил руки на груди, усмехнувшись едва заметно. Аякс прищурил яркие глаза. Первая человеческая реакция с их стороны.

– Не надо подменять понятия, – укорил меня Геспер. – Не упрекать, а напоминать. Чтобы ты не поддался искушению забыть.

– Я давно избавился от всех искушений.

Мои планы по-быстрому разобьются с наставниками и попасть на бои высшей лиги начинали рушиться. Но не успел я это подумать, как Тайгер пошевелился, легко меняя позу. Неуловимое для глаз движение. Лицо с чеканными чертами неподвижно, словно у статуи, но в глубине его широко рас-

ставленных глаз я видел неугасимое, жаркое пламя. А голос перековщика, впервые прозвучавший на одеоне, был наполнен силой и властью.

– Друзья мои, призываю вас к объективности.

И как только были произнесены эти слова, все присутствующие забыли о своих симпатиях и антипатиях ко мне. Главной сейчас стала истина.

– Он явился к нам без принуждения, по первому требованию, – произнес Геспер, глядя на меня как на безликую шахматную фигуру на доске, следующий ход для которой надо серьезно обдумать. – Все десять лет добровольно изгнания он не был замечен в преступной деятельности и последнее посещение сна посвятил исцелению больного. Однако... – Целитель замолчал и посмотрел на Клио.

– Он нарушил правила, – произнесла аонида бесстрастно. – Прежде чем начать обучение, его воспитанница должна была предстать перед Пятиглавом. Или одним из его членов. Получить разрешение. Аметил обязан был заявить о своем желании вновь начать заниматься сновидением.

– И не вправе сам оценивать силу дара черной гурии, – добавила Талия.

– А еще я пил зелье ониров, – буркнул я не слишком вежливо.

– Это нам тоже известно, – бросил Геспер. – Есть что сказать в свое оправдание?

– Я признаю, что должен был показать Хэлену Пятиглаву.

Но я уверен, она не нуждается в перековке. Она не знала о своих способностях. Никогда раньше не пользовалась ими. Она хочет стать целителем. И она просила у меня убежища. К тому же... я уже начал обучение. Вы не можете забрать ее.

Они знали это. Оторвать юного сновидящего от учителя в самом начале пути и передать другому было невозможно. С резким обрывом тонкой ментальной связи ученик мог погибнуть. Пятиглав не имел права допустить этого.

Клио сказала что-то Талии, и харита прикрыла на миг глаза, молча соглашаясь с коллегой. Герард наверху наклонил голову, рассматривая меня как редкую диковину, и произнес звучно, на весь одеон:

– Предлагаю наказание. Три года общественных работ в центре. Два раза в неделю, две полные смены.

«Ну спасибо!» – произнес я мысленно, глядя на него.

«Всегда пожалуйста», – ответил его безмятежный взгляд.

– А его ученицу, если проявит способности, также можно привлечь к исцелению больных, – добавил мой друг невозможно. – Заодно будет под присмотром.

– Разумно, – строго произнесла Клио, – но срок недостаточен. Пять лет. Половина того времени, что он был в изгнании. Кто согласен с подобным решением?

В воздух поднялись две руки. Самой Клио и Герарда.

– Не будем мелочиться, – с величайшим великодушием произнес Геспер. – Десять лет. За все то время, что он предавался безделью.

На этот раз были подняты три руки. Талии, которая считала укрывательство черной гурии серьезным проступком, Тайгера, в свое время как следует покопавшегося в моем подсознании, лучше всех знавшего меня, чего я стою и что движет мной, и Геспера. Подозреваю, он упек бы меня на вечные штрафные работы, но пока считал это излишним.

Таким образом, решение было принято. Специфика работы Пятиглава. Нечетное число сновидящих и никто из них не мог воздержаться. Так что одного голосования хватало, чтобы понять общее настроение.

– Ты согласен, Аметил? – спросила Клио, и в уголках ее глаз я заметил тень легкой улыбки.

Конечно я был не согласен. Мотаться десятилетие в центр – не то, о чем я мечтал в последнее время. Но высказывать свои соображения было не слишком уместно.

– А мне будет предоставлен проездной на «Нот»? – поинтересовался я мягко.

Геспер пробурчал нечто не слишком лестное в адрес наглых дэймосов. Остальные проигнорировали мой вопрос.

– Если у тебя больше нет ни вопросов, ни заявлений, можешь быть свободен, – сухо произнесла Талия.

– Есть, – ответил я, вновь приковывая к себе их внимание. – Наблюдение. Сегодня я присутствовал при интересном разговоре.

Я пересказал все услышанное в поезде от ребят-болельщиков и сделал вывод:

– Полагаю, это работа дэймоса.

Мои старшие коллеги переглянулись.

– Все дэймосы давно под присмотром, – уверенно сказал Геспер. – Либо это нелепое совпадение...

– Либо незарегистрированный создатель кошмаров.

– Думаю, тебе не нужно беспокоиться об этом, – уверенно произнесла Клио. – Мы примем все меры, чтобы нейтрализовать этого нарушителя, если он действительно был.

Я не стал возражать, но остался при своем мнении.

– Могу я идти?

– Да, конечно, – отозвался Геспер. – Но помни, мы будем следить за вашими успехами.

– Храни тебя Эргия, Аметил, – мягко напутствовала Клио.

Я развернулся и пошел прочь.

Никто не вычислит дэймоса, кроме такого же, как он сам. Древний, всегда работающий закон. И я ни разу не видел, чтобы он давал осечку. Иначе для чего Тайгер столько веков блуждает по миру снов, таща за собой в реальности сначала дряхлеющее, а затем и вовсе механическое тело.

Я не знал, за кем из них ведется наблюдение, кто крепко посажен на поводок и сколько вообще существует дэймосов, кроме меня и потенциальной гурии Хэл. Все ли они обезврежены, или кто-то продолжает темнить на стороне. Эта информация всегда была закрыта.

Я быстро пересек центр, больше не отвлекаясь на интерес-

ные типажи и разговоры. Переоделся, бросил хитон в контейнер для стирки, сдал девушке браслет, на который не успел ничего купить, и вышел на улицу.

Начали сгущаться осенние сумерки. Похолодало. Белые здания центра автоматически осветились теплым, золотистым светом. А центральный корпус, возвышающийся над ними, приобрел величественность древнего храма.

В море поблескивали огоньки далеких кораблей, стоящих на рейде. На арки моста как будто опустились стаи светляков, и весь деловой центр полыхал ворохами разноцветных камней.

Я занял свое обычное место в вагоне и не удивился, когда рядом опустился некто знакомый.

– Гелен просил передать, что в следующий раз, когда появишься, приклеит тебе на лоб свой значок. Чтобы ты, хотя бы глядя в зеркало, вспоминал о своих обещаниях.

– О, Гелен... Забыл к нему зайти.

– Ну, это не впервые для тебя. Забывать друзей.

Как и у всех оракулов, у него был нереальный голос. Глубокий, богато окрашенный, четыре октавы, впору позавидовать любому певцу. И Герард умел им пользоваться. На меня обрушилась вся палитра негодующего осуждения.

– Гер, слушай... я... я сожалею, что уехал, не предупредив тебя.

Я оторвался от созерцания мелькания огней за панорамным окном и повернулся к нему. Физиономия оракула выра-

жала величайшее скептическое недоверие.

– Я не должен был бросать все, пропадать так надолго...

– Наплевав на все, что мы с Аяксом для тебя сделали, неблагодарный ты хюбрис...!

Его звучный баритон наполнился громогласным негодованием.

– Об этом я тоже сожалею, – добавил я быстро, пока на нас не начали оглядываться. – Только не заводишь, ладно? Я... приношу свои извинения тебе и Аяксу персонально.

– Потом принесешь их лично, – буркнул Герард, снижая накал эмоций в голосе. – Ладно, ты ведь не на вокзал едешь?

– Нет, – быстро ответил я, радуясь, что буря меня, похоже, миновала. – На стадион.

– Как все и предполагали – потащишься по следам мифического дэймоса. И каким образом ты собираешься его искать? Оборвешь пуговицы у всего стадиона?

Его льдисто-серые глаза смеялись, хотя лицо все еще было суровым.

– Меня не интересует дэймос. Оставлю удовольствие ловить его Гесперу. Я хочу встретиться с Креоном.

Он недоверчиво приподнял темную бровь.

– Решил убедиться, что с борцом все в порядке? Похвальное рвение, как сказала бы Клио. Но чем-то мне не особо нравится эта затея, – заявил Герард с сердечными интонациями прорицателя, только что узнавшего, что над жизнью его пациента уже занесены ножницы судьбы.

К предчувствиям оракула следовало прислушиваться, но меня уже захватил неумный азарт.

– Ты можешь в этом не участвовать.

– Я и не собираюсь. Понаблюдаю со стороны.

Состав пронесся через деловую часть города, блистающую высотными зданиями, миновал несколько отелей. Один из них – пятидесятиэтажный конус – вызывал у меня смутные чувства. Я машинально попытался отыскать окно на тридцать седьмом этаже, которое так сильно изменило мою жизнь. Но светящаяся гора уже проплыла мимо. Еще несколько минут поезд скользил над темными пятнами парков, затем через влажно блестящую полосу реки, где во времена моего далекого детства располагались районы низшей общественной группы: социальные общежития, центры занятости, муниципальные школы.

Герард пронизательно посмотрел на меня, пытающегося разглядеть что-нибудь через стекло на такой скорости.

– Ностальгия не мучает?

– Нет.

Я хотел сказать, что у меня ни разу не возникло желание посетить родные места. Но промолчал, эта фраза могла вернуть оракула на рельсы прежних воспоминаний о моем бегстве.

Еще одна полоса деревьев – и перед нами предстал стадион «Спирос» в новом блеске. Огромная чаша, до краев наполненная огнем. Мне казалось, я уже из вагона слышу вос-

торженный крик толпы, комментарии диктора, музыку.

Поезд наконец затормозил, и мы вместе с большинством остальных пассажиров вышли на станцию. Спустились на первый уровень и по широкой, ярко освещенной аллее направились к зданию стадиона.

– Эта девчонка, твоя ученица, в курсе, кто ты такой? – Герард с высоты своего роста обзирал окрестности. Палатки с горячей выпечкой, сувенирные лотки, прогуливающуюся публику.

– Нет.

– Интересно, – произнес он с настораживающей вкрадчивостью. – А кто она сама?

– Нет.

– Еще интереснее.

– Я учу ее на эпиоса. Ей ни к чему знать подробности.

– А если бы ты не знал их о себе, тебе было бы легче? – Его голос начал наполняться вибрирующими нотами, довольно чувствительно бьющими по ушам.

– У меня была другая ситуация.

– Не увиливай!

Я поморщился.

– Гер, сделай одолжение, не ори.

– Извини. – Он «убавил громкость» до приемлемой. – Проблема с вами, дэймосами, в том, что вы все время врете, виляете, подменяете понятия...

– Тесно общался с Геспером? – усмехнулся я. – Изучил

тему создателей кошмаров лучше? Кстати, я так и не поздравил тебя с вступлением в Пятиглав. Очень впечатляюще. Рад твоим успехам.

– Опять увиливаешь, – ухмыльнулся он, притормозил у ближайшего ларька с горячими рогаликами и оглянулся на меня. – Будешь?

– Нет, спасибо.

Герард расплатился с улыбающейся девушкой, забрал впечатляющих размеров скрученное в рог печеное тесто, тут же впился в него зубами, отхватив порядочный кусок. Теперь, пока рот у него был занят, я мог вернуться к прежней теме.

– Я не вру, обычно... просто не говорю всей правды.

– Угм, – бормотнул он, обвиняюще мотнув головой.

– Скажу ей обо всем, рано или поздно, но не сейчас. Пусть сначала убедится, что помогать людям не менее захватывающе, познавательно и опасно, чем... наоборот. И она уже делает успехи.

– Мэтт, мне все равно, кто ты такой, – произнес Герард душевно, расправившись с булкой. – Для будущего, как ты понимаешь, нет разницы – судьбу дэймоса оно выстраивает, целителя или обычного человека.

– Знаю. У оракулов всегда была смещена система ценностей, только поэтому ты можешь общаться со мной.

– Но в последнее время я ощущаю нечто тревожащее, – не обращая внимания на мои слова, продолжил он безучастно.

– Что именно?

– Пока не знаю. Нити сновидения оборваны, все перепутано... – Оракул замолчал, глядя на нечто в темноте аллеи, доступное только ему, потом тряхнул головой, отключаясь от воспоминаний о своих видениях. – Ладно. Не важно.

Мы вошли в здание касс. Билеты еще были. Средний ярус, в центре.

– Ставки делать будешь? – вкрадчиво поинтересовался Герард.

– Нет, – ответил я с сожалением, отворачиваясь от огромных экранов с именами борцов и набранными ими очками.

– А я рискну.

– Не слишком профессионально для оракула, использовать свой дар в корыстных целях, не находишь?

– Я пользуюсь не даром, а интуицией и логикой, – настаивательно произнес он и наклонился, заглядывая в окно букмекера: – Триста на Линоса, пожалуйста.

Стадион был полон. Море разноцветных флажков колыхалось над головами болельщиков. Волны света пробежали по рядам. Голос комментатора гремел над полем, но не заглушал крики, свист, аплодисменты с трибун. Два борца, в синем и красном трико, как раз в этот миг сошлись в низкой стойке. Их мощные мускулы вздувались, лица побагровели от напряжения, но ни один не уступал другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.